КРОКОДИЛ

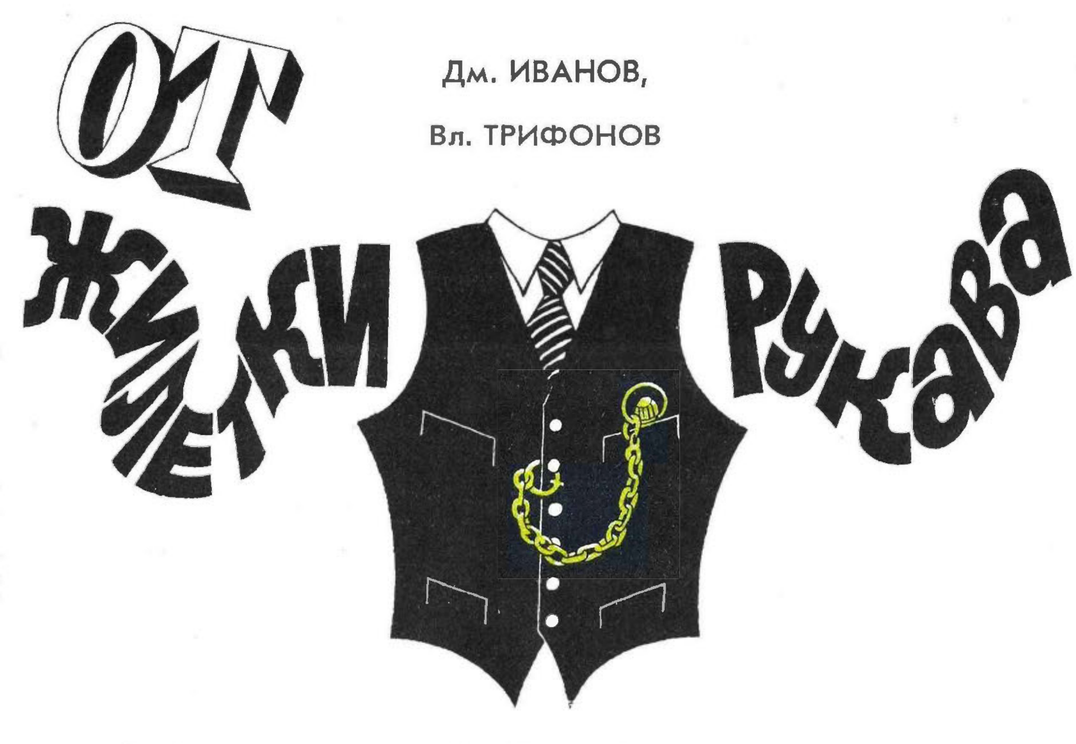
— А здесь, господа, тридцать лет назад начался процесс оздоровления и нормализации обстановки в Европе.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ОТ ЖИЛЕТКИ РУКАВА

Дм. ИВАНОВ,

Вл. ТРИФОНОВ

— Знаешь, милый,— ласково сказала жена,— у меня сегодня масса дел. Так что с детьми придется побыть тебе.

— Интересно, что это за дела, любимая? — подозрительно спросил муж.

Жена стала загибать пальцы:

— Во-первых, я должна осмотреть эту плавучую дачу, которую мы берем напрокат. Во-вторых, мне надо отдать в копчение колбасы и окорока. В субботу у нас гости. В-третьих, сегодня будут наносить орнамент на заказанную нами мебель, и мне хотелось бы при этом присутствовать.

— Ну, не знаю, любимая,— сказал муж.— Я тоже не собираюсь бить баклуши. Мне нужно заехать на примерку фрака. Это раз. Заказать новую партию визитных карточек. Это два. Отремонтировать, наконец, свои лыжероллеры. Три. А что касается детей — можешь не беспокоиться. Я вызвал по телефону специального человека, который с ними побудет.

— Но ты, конечно, забыл, милый, что у сына завтра зачет по фортепьяно!

— Представь себе, нет! Я все предусмотрел. Я с утра позвонил куда следует. Пианино доставят к обеду. И целый вечер наш наследник может бренчать Майкапара.

— Ну, а скот? — спросила жена.— Или ты полагаешь, что с ним можно обращаться по-скотски?

— О чем ты говоришь? Ведь уже месяц двух наших лебедей пасет в скверике этот милейший старичок из Бюро. Вот как раз он идет...

Возможно, кто-то с ненужной поспешностью уже решил, что дело происходит на какой-нибудь другой планете, что как только авторы дойдут до описания героев, у тех окажутся синие волосы, три ноги и вообще начнется чертовщина.

Вы не угадали. Авторам представлялось, что так славно беседовать могут их современники, жители любого населенного пункта РСФСР и уж, конечно, такого, как Москва.

— Вздор! — возмутятся наиболее желчные субъекты.— Такого не может быть! Вот я на прошлой неделе...

И тут они начнут рассказывать набившие оскомину истории об очередях в химчистке, о том, как далеко пришлось ехать, чтобы наточить ножи для мясорубки, как плохо погладили в прачечной белье и какую непомерную сумму пришлось выложить за отвратительный ремонт шестнадцатиметровой комнаты.

Одним словом, они попытаются опорочить наш отечественный сервис. Они намекнут, что служба быта плохо заботится о человеке. А все это происходит оттого, что желчные товарищи просто не представляют себе, до чего эта забота дошла. Вот поэтому мы и предлагаем всем интересующимся **Извлечение из приказа министра бытового обслуживания населения РСФСР № 177 от 27 августа 1970 года.**

После беглого ознакомления с этим волнующим документом каждый человек понимает: то, что он считал до сих пор настоящей цивилизованной жизнью, было первобытным прозябанием.

В «Извлечении» более шестисот видов бытовых услуг, которые должны оказывать жителю РСФСР предприятия службы быта. Чего только здесь нет! Установка гигиенических стелек и ремонт медогонок, пошив сувенирной обуви (можете оставить своей возлюбленной в качестве сувенира пару сапог!) и ремонт радиол с цветным сопровождением, изготовление мебели для юрт чабанов и плетение корзин, изготовление мозаичных ступенек и переработка давальческой мытой шерсти на трикотажную пряжу, вставка в металлическую оправу зеркал обратного вида и выдача справок населению...

Этот роскошный список и послужил основанием для создания той идиллической семейной сценки, с которой начался наш фельетон.

Однако житель РСФСР, решивший с какого-то дня начать полнокровную современную жизнь, прежде всего сталкивается с простейшей услугой — «выдача справок». И вот тут он впервые ощущает предательскую слабость в коленках.

Нет никакого резона пытаться выяснить что-то о бытовом обслуживании через справочное 09. Работники справочного бюро либо совсем не информированы о работе предприятий бытового обслуживания, либо им скучно рыться в справочниках. Они без задержки переправят вас в другие места: в справочное службы быта и в Управление проката. Но и там ваши вопросы вызовут несказанное удивление. Словом, если у вас нет особого желания ставить работников справочных служб в неловкое положение, смелее развертывайте личную инициативу! Выходите на улицы и площади! Заглядывайте во все предприятия, над дверями которых красуются буквы «СБ» — СЛУЖБА БЫТА! Возможно, вам повезет.

Мы же пошли неверным путем, казавшимся нам по собственной наивности самым простым. Взяв в руки «Извлечение», мы сели к телефону.

— Служба быта? Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, где можно сшить фрак?

В трубке послышался грохот. Похоже, что кто-то от удивления упал со стула. Наконец ответил другой человек, видимо, с более крепкими нервами:

— Вам какой фрак? Дирижерский?

— Нет. На каждый день.

— Возьмите напрокат в театре.

— Но мне хочется иметь свой. Ведь должны же их шить!

— Это вы для нас открытие сделали. У нас фраков вообще не шьют!..

Ладно, решили мы, не надо фрака. В конце концов не такой уж сокрушительный удар по нашей элегантности. Достаточно будет нам и визитных карточек.

— Справочное? Где я могу заказать визитные карточки?

Никакого ответа. Только тяжело дышат.

— Вы слышите? Визитные карточки!

— Я не понимаю, что вы такое хотите. У нас есть перепечатка на машинке. Вас устроит?..

Нас не устроило. Нам еще нечего было перепечатывать. Этот фельетон еще не был написан. Мы еще только звонили по поводу плавучей дачи.

— Какую вы хотите дачу напрокат?

— Плавучую.

— Вон что! — порадовались там и тут же отчеканили: — Никогда не было и нет в Москве такого!..

Служба быта откровенно удивлялась нашим вопросам. Эта однообразная реакция стала уже надоедать, и мы сильно оживились, услышав очередной ответ:

— Можем принять у вас заказ на изготовление стеллажей в январе будущего года.

Мы оживились преждевременно. Разговор-то происходил в октябре нынешнего года.

— А когда эти стеллажи будут готовы?

— Заказ выполним только в 1973 году...

Это было сказано со вздохом. Очевидно, кто-то на том конце провода с горечью представил себе Чехова и Элизу Ожешко, сваленных горой прямо на полу.

Получение напрокат пианино откладывалось не на такой астрономический срок. Но только в том случае, если нам ранним утром посчастливится быть первыми в громадной очереди соперников. Их много, а инструментов две-три штуки.

И тут мы вошли в азарт:

— Девушка, дайте мне телефон мастерской, где могут покрасить валенки.

Это не является продолжением процесса изготовления...

Мы старались оперировать терминологией «Извлечения».

— Что? — сказала девушка.

— Это не является продолжением процесса изготовления. Процесс уже давно закончен. Просто покрасить хочется.

— Валенки? — Девушка искренне рассмеялась.— Да вы что? В Москве валенки не красят!..

— Ну, а как насчет того, чтобы законопатить дом? — поинтересовались мы, несколько передохнув.

— Такой услуги, товарищ, вам никто не окажет, кроме вас самих,— честно ответила служба быта.

— В таком случае подскажите,— не сдавались мы,— где можно взять напрокат свадебное платье?

— Вы шутите или с ума сошли?

— Ни то, ни другое.

— Товарищ! — Голос службы стал ледяным.— Где это только вы такое вычитали?

Служба быта повесила трубку, давая понять, что поддерживать с нами связь она больше не намерена. Но мы опять набрали заветный номер.

— Не в службу, а в дружбу,— сказали мы,— дадим вам интересовавшую вас справку. О прокате свадебных туалетов мы вычитали в приказе министра бытового обслуживания населения РСФСР № 177. Страница 21, пункт 24.

Какая была пауза!.. Мы бы много дали, чтобы увидеть лицо нашей собеседницы.

— Знаете,— сказала она наконец почти нежно,— такого вида проката в Москве нет. О нем у нас только еще думают.

— Ну, думайте,— великодушно сказали мы.

И оставили телефон в покое. Узнавать про услуги по копчению окороков и выпасу скота нам показалось уже бесчеловечным.

Да и рука устала стенографировать разговоры.

Да и собственные нервы не веревки.

Куда приятнее просто зачитываться упомянутым приказом № 177, умиляясь его всеобъемлющей предусмотрительности и отеческой заботе о клиенте. Приятно сознавать, что, кроме вульгарных, прозаических вещей вроде мытья в бане или ремонта матрацев, здесь фигурируют такие тонкости сервиса, которые не снятся даже под Новый год.

Вникаешь в эти тонкости, и слеза туманит глаз. И возникают всякие вольные ассоциации. Вспоминается вдруг старинное выражение «от жилетки рукава», которое обозначает нечто несуществующее, фиктивное.

Мы не выясняли, как обстоит дело с пошивом жилетов. Наверное, блистательно. По крайней мере (видимо, ввиду особой важности!) этот вид бытовой услуги выделен в приказе в особый пункт. Но вместо многих других пунктов, создающих обманчивое ощущение тотального сервиса, мы предложили бы написать один:

КРУПНЫЙ, МЕЛКИЙ И СРЕДНИЙ РЕМОНТ, РЕСТАВРАЦИЯ, АППРЕТИРОВАНИЕ, ПЕРЕДЕЛКА, ПРОПИТКА, ПЕРЕШИВКА, ПОКРАСКА, УТЮЖКА, ПОШИВ, ЧИСТКА, ЛИЦОВКА, СРОЧНОЕ И «ЭКСПРЕСС» ИЗГОТОВЛЕНИЕ С НАНЕСЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ОРНАМЕНТА И БЕЗ НЕГО, А ТАКЖЕ ХРАНЕНИЕ, ДОСТАВКА НА ДОМ И ВЫДАЧА НАПРОКАТ

ОТ ЖИЛЕТКИ РУКАВОВ!

И ни у кого не было бы никаких претензий.

— Безобразие! Опять дневная смена не убрала за собой рабочее место!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Андрей КАРАСЕВ,
Сергей РЕВЗИН

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Представительный мужчина
Потерял покой и сон:
Как бы нового почина
Не проспал случайно он.
«Подхватить любой почин
Должен я без колебаний:
Я немаловажный чин —
Я директор новой бани!»
Он, к примеру, как-то раз
Настрочил такой приказ:
«В фонд общественной копилки
Вклад внести и наш черед:
Надо сбавить пар в парилке —
Тут у нас не пароход».
И парилка экономит:
Больше пар костей не ломит.
Всех помывшихся недаром
Поздравляют
с легким паром.
Прибегает в баню он
И дает инструкции:
— Повышает наш район
Качество продукции.
Дружно все мы, как один,
Подхватить должны почин!
Гвозди взяв и молоток,
Банщик вешает листок:
«Обязуюсь мылить граждан
Не единожды, а дважды.
Снижу до пяти процентов
Недомытые клиентов!»
Этак может быть вполне —
Вымоют вас начисто
И поставят на спине
Штамп со Знаком качества!
За заботою забота,
Вновь наметился почин:
Безремонтная работа
Агрегатов и машин.
И на завтра это в плане
Парикмахерской при бане.
Больше года без починки
Тут вовсю стригут машинки.
Двух минут не в силах чинно
В кресле высидеть клиент.
Проклинает он почины,
Нечиненный инструмент...

Вот какая мания
Починопочитания!

В. КУЗЬМЕНКО

ДОРОГАЯ УХА

Рассказ

Семен Иванович, заместитель директора завода по хозяйственной части,— большой любитель подледного лова. В пятницу, придя домой, он первым делом открывает заветную тумбу письменного стола, где у него хранятся рыболовные снасти, и начинает готовить снаряжение: подвязывает крючки, подчищает блесны, прилаживает поплавки. Снасти у него добротные, прочные, сделанные по последнему слову рыболовецкой науки и техники.

Постучав, в комнату входит сосед, начальник конструкторского бюро Леонид Николаевич.

— Готовитесь? — улыбается он. — А у меня уже все на мази, в полной боевой!

— Готовность неважнецкая,— недовольно отвечает Семен Иванович, отрезая маникюрными ножницами кончик лески.— Твой конструктор Терлецкий — порядочная шляпа. Сегодня спрашиваю: «Ну как, Терлецкий, новая пешня готова?» А он: «Нет, Семен Иванович, еще вычисления не закончили. Нужно,— говорит,— кривую между стержнем и лопаточкой вычислить, а потом — площадь лопаточки и максимальную силу ее удара на лед определить, без интегралов и дифференциалов никак не обойдешься. Дал,— говорит,— задание, сейчас все конструкторское бюро его решает. В электронно-вычислительную машину тоже программку подпустили — вкалывает, бедняга, аж искры летят!».

Семен Иванович наводит блеск на блесну и продолжает:

— Словом, пока что одни обещания, а толку нет, практик он у тебя никудышный. А ты видел, какая пешня у Бориса Платоновича?! Вот это вещь, закачаешься! Сделана сверлом «рыбий хвост» и работает от мотора «ЗИЛа». Шофер включит мотор, а от него цепная передача идет. Надавишь пешней на лед — только пар завьется, почище твоего силового резания. Полминуты — и лунка готова!

Леониду Николаевичу неудобно за своего конструктора, и он говорит:

— Так у Бориса Платоновича завод ведь какой, не нашему чета!

— Брось там — завод! — сердится Семен Иванович.— Что у нас, токарных и фрезерных станков мало? Ты, кстати, напомни твоему «академику» — пусть сталь хорошую на пешню поставит, последней марки. И отхромирует хорошенько. А то он безынициативный какой-то, пока не напомнишь, своим умом не дойдет. Ты видел, какую он ручку на мою старую пешню поставил? Из простой березы. А у Бориса Платоновича дубовая! Что, скажешь, у нас дуба нет, что ли?!

— Можно и дубовую,— соглашается Леонид Николаевич.— Только Борису Платоновичу ручку для пешни на соседнем заводе делали, его шофер мне рассказывал. У них со столяркой туго, завод-то метизный. Насчет же цепной передачи мы не одолеем, Семен Иванович, не тот профиль у нас. Разве что к Борису Платоновичу обратиться?

— А что! — поддерживает идею Семен Иванович.— Он как-то моим ящиком заинтересовался, рядом в лунках ловили. «Здорово,— говорит,— у вас на заводе ящики мастерят, с выдумкой: тут отделение и для рыбы, и для снасти, даже и для шкалика местечко предусмотрено!» Я, сказать по правде, оплошность допустил: не догадался ящик подарить. Вот ты и предложи сейчас наше изделие да насчет цепи намекни. Что-то вроде кооперации получится: мы ему ящик, а он нам цепь!

— Но одним ящиком тут не обойдешься,— замечает Леонид Николаевич.— Борис Платонович всегда в компании рыбачит, пожалуй, штук пять-шесть потребуется.

— Закажи шесть,— соглашается Семен Иванович.— Зябликов за день смастерит, здорово он их насобачился делать! Весь хозяйственный цех снабдил, да и механический тоже. Золотые руки у деда! Ты только его предупреди, чтобы не торговал ящиками. Упаси бог, ни-ни! С ним уже был такой случай: иду я по Птичьему рынку, корм для рыбешек присматриваю, гляжу: Зябликов! Обложился своей продукцией и торгует. Я в сторонку свернул, не хотел при всех мораль читать. Ты ему растолкуй: одно дело, мол, для своих, заводских, готовить, в порядке развития спорта там, что ли, а другое дело — на сторону. Неприлично, мол. Только ты поделикатнее с ним, он обидчивый. А ящик для Бориса Платоновича пусть и отполирует хорошенько — каши маслом не испортишь. Да и на салазки не мешает поставить, легче будет по льду возить.

Семен Иванович взглянул на часы.

— Пора, пожалуй, и собираться. Ты позвони в гараж,— напомнил он Леониду Николаевичу,— проверь, чтобы бензину подлили, путь-то до Волги не близкий!

Игорь МАРТЬЯНОВ

ЛИЧНЫЙ КОНТАКТ

Василий Петрович в масштабе района —
Известная личность, большая персона.
Еще не мешает добавить, что он
Болеет душою за весь свой район,
Что связь телефонную не уважает,
Что лично всегда на места выезжает.
Частенько бывает в артели «Маяк»,
Поскольку ее возглавляет свояк.
В любую осеннюю грязную пору
Готов он направить свой «газик» в «Аврору».
Еще б, председатель «Авроры» — душа:
Уж больно настойка его хороша!
Большой хлебосол и хозяин «Победы» —
Жена его вкусные варит обеды,
Причем не забудет поставить она
На стол перед гостем графинчик вина.
Прихватит свободно в артели «Свобода»
Василий Петрович гречишного меда,
А если заскочит в артель он «Вперед»,
Там свежих яичек всегда наберет.

Вот так самолично по весям района
И ездит отъявленный враг телефона.
Его не пугают ни вьюги, ни грязь:
Василий Петрович —
За личную связь!

г. Иваново.

Мкртыч КОРЮН

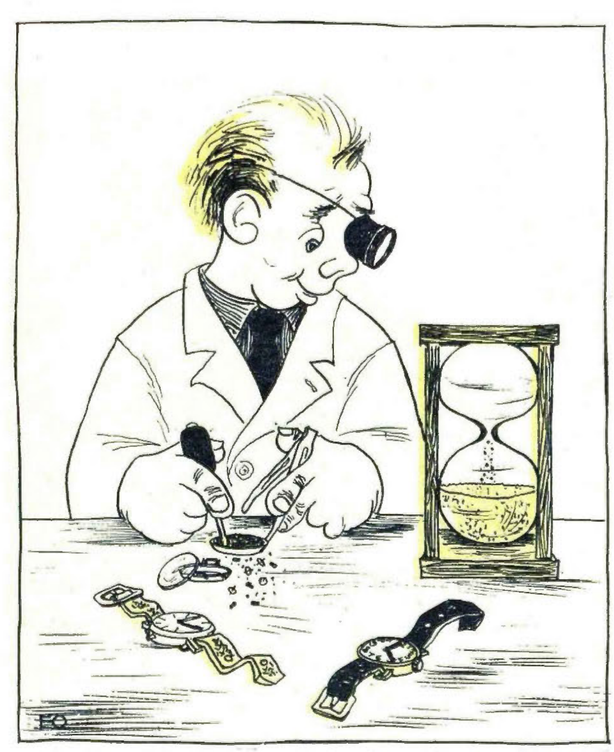
Начальник и шофер

Начальник позвал к себе как-то шофера
И стал говорить ему не без укора:
— Тебе бы за ум уже взяться пора,
Скажи, почему ты был пьяным вчера!
— Ни грамма не пил,—
возражать стал шофер.—
И кто вам молол про меня этот вздор!
— Ты сам,
проходя вчера мимо окна,
Кричал очень громко, что выпил вина.
— Ах, джан, да прибавит всевышний вам веку,
Но пьяному верить нельзя человеку!

Перевел с армянского И. ЗЕНОВ.

— Я эту картину, внучка, еще с детства помню. **Рисунок В. СОЛОВЬЕВА**

— Эге! Пора на обед! **Рисунок Ю. ЕРОФЕЕВА**

Е. ШАТЬКО

Рассказ

Пишет это служащий гардероба Недосекин, к которому в прошлом году на Духов день хирурги приступили с ножом. Тогда они и вмонтировали мне новый главный орган. Трансплантировку я перенес исключительно хорошо.

Сердце теперь работает, как пылесос, даже раскачивает корпус изнутри, не дает спать. Хочется бегать, прыгать через барьеры...

А главное — в моем спасенном организме начались душевные явления. Ведь как я жил раньше, с бракованным органом? Не жил, а, как говорится в народе, загибался по капризу природы. Еле телепался, ожидал последнего звонка. На собрания и то ходил через раз. В очередях не стоял, а в газетах зачитывал только приятные сообщения, например, про уборку чая...

Бывало, с вечера чаевые пересчитаешь и ложишься на диван-кровать навсегда. А утром проснешься и жене говоришь:

— Гляди, мать, а я еще не аннулировался.

А теперь? Намедни ночью сердчишко так распрыгалось, что встал я и увидел в окно Останкинскую башню. Толкаю жену в бок:

— Мать, надевай нейлоновую кофту, и поехали!

— Чего, куда? — спрашивает.

— Туда, — говорю. — Где гуляет лишь ветер да я!

На рассвете пешком пошли к башне. Звезды мигают, дворники метлами чиркают, а я все шибче разгораюсь и говорю:

— Мать, меня еще в Австралию сильно тянет!

Она отвечает:

— Хватит дурью-то мучиться!

Я поясняю:

— Там сумчатые,— говорю,— прыгают на свободе. Имею право посмотреть.

Пришли к башне, а она еще заперта. А мне не терпится. Вижу поблизости пруд. Разделся, давай плавать, нырять. И кричу из воды:

— Давай, мать, байдарку купим и поплывем куда-нибудь вдаль!

Жена заплакала, но свое гнет:

— Я от спального гарнитура не отступлюсь, хоть ты век в пруду плавай!

А на башню мы тогда не влезли. Но зато я в очереди с африканским принцем сувенирами обменялся.

А вечером дальше — больше. После спектакля подаю зрителю полупальто, а он мне в руку сует.

Я говорю:

— Ты кому суешь?! Работнику творческой сферы, да?!

Гражданин в полупальто замялся, потому как был с девушкой, а я спрашиваю:

— Сколько у тебя там? Двенадцать копеек? Ишь ты, меценат! Может, я завтра сам куплеты тореадора буду петь нашему народу.

И на другой день на репетицию двинул. Сел в третьем ряду, терпел-терпел и вдруг заявляю заслуженной артистке:

— Хоть вы и председатель месткома, а свои хабанеры надо петь душевнее!

Все артисты на меня обернулись, а я вспыхнул и говорю директору:

— Вентиляцию в гардеробе немедленно ставьте, а то зрителей в одеже буду в зал направлять!

Директор растерялся, даже с репетиции ушел, а я отправился домой, и у меня от переживаний в боку заныло. Рассказываю жене, а у самого зубы стукают.

Жена всполошилась и говорит:

— Ермолай, пиши директору заявление на бумаге, что ты с похмелья так-то брякнул.

Я возражаю:

— Нет, я за вентиляцию живот положу!

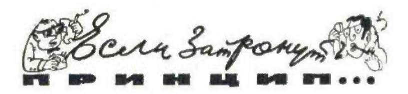
Тогда она советует:

— Ермолай, иди к врачу-психиатру.

Я встал, зашатался и пошел в поликлинику. Дошел до поликлиники, не взошел в нее и... направился в консерваторию на концерт органной музыки.

И вот живу, истерзанный этими явлениями...

И теперь — что же? Наверное, мне еще что-то надо притрансплантировать? А куда меня потом понесет нелегкая?..

Фельетон Е. Матвеева под таким заголовком был напечатан в № 23 и посвящался той нездоровой обстановке, которая создается порой в районных отделениях общества «Знание», проводящих в общем-то большую и полезную просветительную работу среди населения.

Как сообщили редакции из Ленинградского РК КПСС г. Москвы, фельетон обсуждался Президиумом правления Ленинградской районной организации общества «Знание», партийным собранием аппарата райкома, а также партийным бюро Заочного института советской торговли.

Ответственному секретарю Ленинградской районной организации общества «Знание» Д. Северину строго указано на слабый контроль за работой первичных организаций общества. Обращено внимание профессора И. Дмитрашко на небрежность, допущенную при оформлении рецензии на лекцию профессора И. Пантелеева.

Приняты меры для улучшения работы районной организации общества «Знание».

ШКУРНЫЙ ВОПРОС

Так назывался фельетон Е. Шатрова, опубликованный в № 27 нашего журнала за текущий год,— о том, как на Ульяновском кожевенно-обувном комбинате шкуры из хороших сначала становились плоховатыми, а с течением времени и просто хламом.

Мы получили письмо секретаря Ульяновского городского комитета КПСС тов. А. Кудрявцева. Он сообщает, что факты, описанные в фельетоне, действительно имели место.

Приняты следующие меры.

Построены эстакады для выгрузки сырья и бетонированная площадка. Приобретено девять погрузчиков. Все шкуры, принятые в прошлом году и в первом полугодии текущего, уже рассортированы. Остатки сырья уменьшены больше чем втрое.

Наказаны виновники. Освобождены от работы директор комбината тов. Волчек и его заместитель тов. Цыбин. Главный инженер тов. Мироненко получил партийное взыскание.

Надо полагать, что сырье, получаемое комбинатом, теперь будет использоваться по прямому назначению и перестанет служить украшением городской свалки.

В № 29 нашего журнала был опубликован фельетон В. Преображенского «К барьеру!». В нем шла речь о том, что начальник отдела мелиорации и водного хозяйства Орловского облисполкома В. Расторгуев злоупотреблял своим служебным положением. Из материалов Зареченской ПМК он построил себе дачу, принимал подарки от подчиненных, пьянствовал. Однако после того, как были вскрыты злоупотребления в подчиненном ему ПМК и виновные понесли вполне заслуженное наказание, сам Расторгуев отделался легким испугом.

После выступления «Крокодила» редакция получила ответ из Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Министр К. С. Корнев сообщил редакции, что В. Расторгуев освобожден от занимаемой должности. Для проверки хозяйственно-финансовой деятельности Орловского треста «Орелмелиоводстрой» и передвижных механизированных колонн министерство направило бригаду специалистов.

«ГРУСТЯТ ТОПОЛЯ...»

Точнее, еще совсем недавно грустили. Оттого, что к ним прибивали всевозможные таблички-указатели, и вместо того, чтобы мирно расти, услаждая пышной зеленью взоры туляков, тополя грозили, предупреждали, информировали (заметка «Грустят тополя...», «Крокодил» № 22).

Председатель исполкома Тульского горсовета тов. Л. Дагаев сообщил редакции, что факты подтвердились. Городскому отделу коммунального хозяйства, жилищно-коммунальным отделам райисполкомов и руководителям треста зелено-паркового хозяйства предложено усилить контроль за состоянием зеленых насаждений, охранять их от порчи. Райисполкомам предложено также обеспечить необходимый порядок в ведении рекламного хозяйства, не допускать впредь вывешивания на деревьях каких бы то ни было объявлений.

Рацпредложение Крокодила для некоторых бань.

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

«ХА-ХА-ХА!»

Именно так называется книжка Юрия Благова, вышедшая в издательстве «Искусство».

Почему именно так? Да потому что она посвящена людям, при одном взгляде на которых у нас вырывается дружное «Ха-ха-ха!».

Она посвящена клоунам. А точнее, клоунаде. Купив эту книжку, вы можете прочесть занятные истории, которые рассказывают зрителям цирковые сатирики и юмористы. Вы найдете тут самое верное «Средство от ожирения» и элегантнейший «Дом моделей», посмеетесь над анонимщиками и другими отрицательными персонажами.

«ФЕР-ТО КЕ!»

Летом 1920 года на страницах «Правды» появился фельетон «Ке фер?». Герой фельетона — некий эмигрировавший за границу белый генерал — в смятении спрашивает самого себя: «Ке фер? Фер-то ке?» («Что делать? Делать-то что?»). «Действительно,— отвечает ему автор,— ке?» И выражение это с легкой руки автора пошло гулять тогда по России.

Фельетон был перепечатан из парижской белогвардейской газеты «Последние новости». В предисловии «Правды» говорилось, что «фельетон чрезвычайно выпукло рисует настроения буржуазных беженцев, удирающих от русского пролетариата под сень международного капитала». Принадлежал фельетон «Ке фер?» перу Надежды Бучинской, известному автору юмористических рассказов, которые она подписывала псевдонимом Тэффи.

Волею судьбы она сама оказалась в эмиграции.

Тэффи провела в Париже тридцать тяжелых лет. Вместо беззаботного юмора — горькая сатира на эмигрантское житье-бытье, мрачное одиночество, нужда...

За несколько лет до смерти писательница приняла советское гражданство...

Недавно в издательстве «Художественная литература» вышла книга ее рассказов. Читатель найдет в ней произведения, написанные и на родине и на чужбине.

НОВЫЕ «МОЛОДЫЕ ЕЖИ»

Закончился очередной международный юмористический конкурс, организованный софийской газетой «Народна младеж». Стали известны имена лауреатов.

Нам приятно сообщить, что высшую награду получил советский сатирик Борис Егоров. Его успех отмечен золотой медалью «Молодой Еж». Обладателями серебряной медали «Молодой Еж» оказались: Кунчо Грозев (Болгария), Жарко Петан (Югославия), Хуан Карди (Куба) и Евгений Ташма (СССР).

Крокодил сердечно поздравляет победителей и желает им дальнейших юмористических успехов в самом серьезном смысле этого слова.

А. ВЕРЕТЕННИКОВ

Физики—лирикам

Слесарь-монтажник Василий Данилович Фармазонов, строго говоря, физиком не был. Однако лириком он не был и подавно, хотя в силу природной незлобивости с лириками не спорил. Он их уважал, а с одним даже дружил.

Очень плодовитый композитор Иван Севастьянович Бабах, попивая кофе в кругу коллег и меломанок, объяснял, что дружба с простым слесарем вдохновляет его на создание свежих музыкальных образов. «Мой соавтор»,— говорил Бабах про Данилыча, и все радовались этому прекрасному союзу. И завидовали. А Петр Степанович Можайкин, тоже композитор, завидовал больше всех, потому что давно уже находился в состоянии творческой депрессии.

Однажды он подкараулил слесаря Фармазонова.

— Пойдешь ко мне в соавторы? — спросил Петр Степанович.

— Как будешь платить?

— Признание, авторитет, слава — разве не достойная плата?

— Лирик! — ругнулся Данилыч.— Бабах отдает мне двадцать процентов гонорара. С тебя буду брать двадцать пять. Между прочим, другие больше предлагают.

— Деньги за дружбу?

— За труд! Я тебя, лирик, работать научу!

Они распрощались, и соавтор ушел, унося в кармане четвертную в качестве первого капиталовложения.

Явился он к композитору на другой день и поставил на стол четырехскоростной проигрыватель «Концертный».

— Вот тебе, Петр Степанович, мой НОТ. Садись и работай. Удивляешься? Бабах тоже сначала удивился. Эта штука не простая, а золотая: у нее диск в обратную сторону крутится. Вот, к примеру, берем эту старинную пластинку... — Фармазонов поставил головку звукоснимателя в конец звуковой бороздки, и Петр Степанович от негодования пошел пятнами, поскольку явственно уловил мелодию популярной песенки, которую он, Можайкин, написал в пору своего творческого расцвета.

Фармазонов глумливо ухмыльнулся:

— Понятно? Да? Лучше на всякий случай для работы брать классиков. Надежнее. Теперь о технологии. Можно прокручивать любые пластинки, только надо их пробовать на разных скоростях. Бывает, скажем, на 33 оборотах ерунда какая-нибудь, а на 45 или 16 нечто свеженькое проклюнется. Тут такая петрушка: мелодичные вещи, старинные романсы, например, если их слушать с конца, вполне сойдут для симфоджаза. Самый модерн. И наоборот. Я тебя потом познакомлю с одним кибернетиком. Он высчитал алгоритмы аранжировки, так что все зависит от стараний машины. Оптимальный результат обеспечен.

...Теперь, когда композитор П. С. Можайкин слышит пресловутое утверждение, что «в наше время истинными лириками можно считать только физиков», он не возражает.

* * *

ОТ АВТОРА. Весь этот рассказ выдуман от начала до конца. Автору не приходилось где-либо читать или слышать о вышеописанном способе музыкального творчества. Поэтому, если кто-нибудь из пишущих музыку заявит о своем приоритете и представит доказательства, автор не станет спорить и извинится.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

— Разве вы не знаете, что встревать в чужой разговор невежливо?

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

...Приняв от меня посылку и взвесив ее, начальница почты Лидия Петровна Орлова чиркнула спичкой, и лучина разом занялась. Огненные языки лизали твердый, как кремень, сургуч. Темно-коричневые капли ложились на белоснежную бязь, в которую была упакована новая трехместная палатка. Лучина трещала вовсю и даже пальнула искрой. Раскаленный уголек упал на посылку.

— Что вы делаете? — простонал я.— Вы же спалите мою палатку!

Но Орловой было не до палатки: надо было враз управиться с полыхающей, чадящей, потрескивающей лучиной, сургучом и печатью.

Я не растерялся и мигом включился в сложнейшую почтовую операцию. Пальцем загасил тлевшую на посылке дыру, потом на лету ловил и гасил искры. Предстояло пришлепать пять сургучных печатей.

Когда лучина затухала, Орлова стряхивала с нее раскаленные угли прямо на деревянный пол, заваленный газетами, письмами, бандеролями.

Уже получив посылку в Москве, я обнаружил на еще новой палатке несколько дыр. Помянул добрым словом почтовые отделения, где плавят сургуч в жестянках на электрических плитках, и вспомнил старинную песню:

Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я...

В. БОРОНИН

пос. Жукопа, Калининской области.

Новое средство

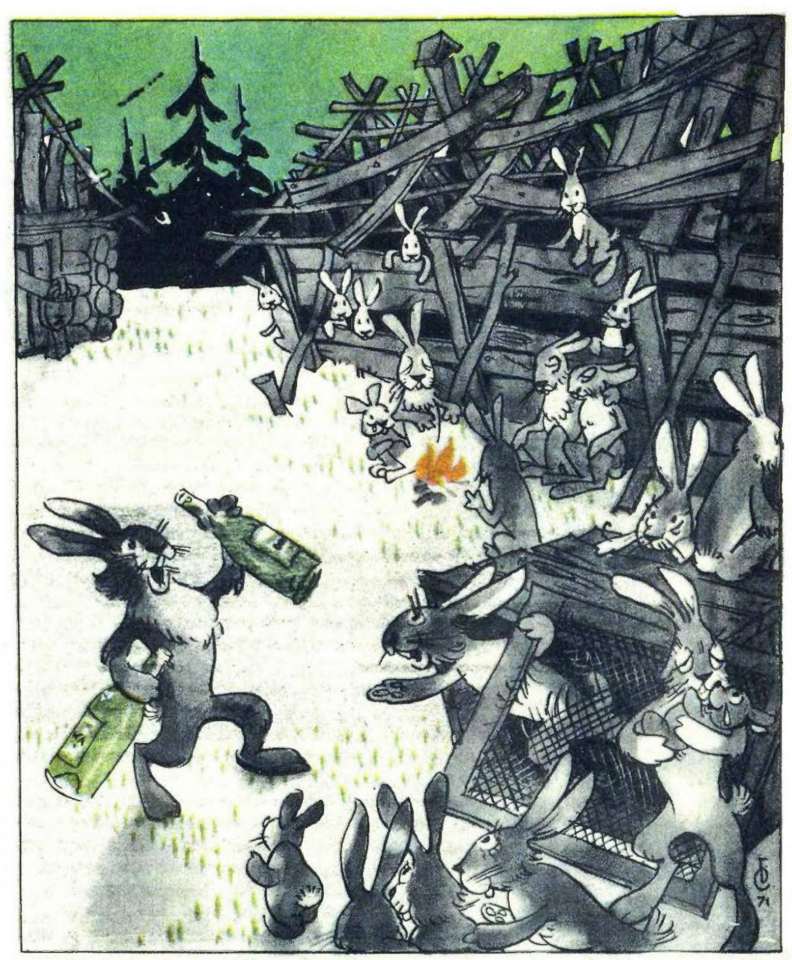
Как известно, универсальное средство для желающих похудеть до сих пор не открыто, в связи с чем граждане, решившие сгонять вес, должны тщательно консультироваться с врачом, дабы не подорвать собственное здоровье.

С радостью сообщаем всем страждущим и отягощенным лишними килограммами: наш читатель из села Эссо, Камчатской области, тов. В. Викторук изобрел наконец безотказный способ молниеносного похудания, доступный абсолютно каждому.

Рекомендация необыкновенно проста: приобретается портативный магнитофон «Комета-206», работающий от батареек «Элемент-343», достать которые практически невозможно. А посему владелец магнитофона немедленно подключается к двадцатикилограммовому аккумулятору и, поскольку магнитофон портативный, таскает агрегат на себе.

Сколь бы вы ни были полным (полной), через неделю вас никто не отличит от Аполлона (Афродиты).

А. ИВАНОВ

— Ну что, вздрогнем, братцы-кролики? **Рисунок Б. СТАРЧИКОВА**

Гр. ВАРШАВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ЗНАМЕНИТАЯ ШКОЛА

Если меня спросят, что является главной достопримечательностью и гордостью Красноуфимска, я отвечу: «Селекционная станция, существующая почти сорок лет!».

Если меня спросят, что является главной достопримечательностью селекционной станции, существующей почти сорок лет, я отвечу: «Школа! Школа, существующая почти сто лет!».

— Смотрите и запомните,— просила меня, знакомя со школой, Елена Львовна Никифорова, кандидат сельскохозяйственных наук, депутат облсовета,— это наша достопримечательность, но никак не гордость...

Так она говорила о школе, существующей почти сто лет.

Увиденное мною забродило в душе, отстоялось, устремилось наружу и отчеканилось в строки, адресуемые Министерству сельского хозяйства РСФСР:

Все необычно в этой школе —
И теснота и неуют,
Здесь триста душ,
а может, боле,
Ребячьих песен не поют.
Напрасна школьная наука,
Коль на глазах ученика
От еле слышимого звука
Весь дом дрожит до чердака.
Здесь на неведомых порожках
Среди невиданных дверей
Ученики на резвых ножках
Спешат, чтоб выбраться скорей...

Двери здесь постоянно распахнуты, ибо при открывании-закрывании происходит хлопанье, которого стены школы не выдерживают потому, что...

Здесь потолки лежат на сваях,
Напоминающих забой,
А в дырах ветер завывает
Иерихонскою трубой.
Зимой метели колобродят,
Ссыпая снег во все углы,
Здесь — чудеса!
Здесь пеший бродит,
И прогибаются полы.
Гуляет в школе непогода,
А рядом строится объект,
Который вырос за два года
(ХОТЬ НА ГОД ЗАДАН БЫЛ ПРОЕКТ!)
На три ряда кирпичной кладки
И заморожен на корню.
ПОДОБНЫЙ ТЕМП
УРАЛЬСКОЙ ХВАТКИ
Я ПО ДОСТОИНСТВУ ЦЕНЮ!

Дело в том, что строительство новой школы проектной стоимостью в 370 тысяч рублей должно финансироваться МСХ РСФСР, которое два года назад щедро выделило на эти цели... 90 тысяч рублей и прочно забыло о заложенном объекте.

На том конец стихам о прозе,
Стихи всегда за краткость чтут.
Пускай же их в Росминсельхозе
Прочтут, изучат и учтут.

г. Красноуфимск,
Свердловской области.

Пропали самосвалы

В адрес универсальной базы Карачаево-Черкесского облпотребсоюза, что в Ставропольском крае, пришел контейнер с самосвалами. Когда контейнер вскрыли, в нем не досчитались 32 самосвалов на общую сумму 77 рублей 95 копеек.

Наверно, читатель в недоумении: как могли пропасть сразу 32 самосвала? И что это за машины, три десятка которых стоят меньше сотни? Однако здесь все правильно. Речь идет об игрушечных самосвалах.

База вступила в деятельную переписку с дирекцией Ташкентского завода пластмассовых изделий, производящего игрушечную технику, но ничего не добилась.

— Знать ничего не знаем и ведать не ведаем! И вообще мелочь,— буркнули ташкентцы, когда их побеспокоили.

— Тогда сообщите, куда на вас можно пожаловаться. Адрес вашей вышестоящей организации,— волнуются ставропольцы.

— Еще чего не хватало! Нашли дураков!

Переписка идет с начала года, и конца ей не видно.

Дяди и тети! Отдайте детям их самосвалы! Для них, поверьте, это не мелочь!

Е. ПАВЛОВ

ОБЛОЖЕННЫЙ ДРУГ

Всем известно, как дорого обходится содержание кооперативного многоквартирного дома, как ощутимо давит он на кошельки и плечи пайщиков.

Чтобы хоть как-то ослабить это давление, члены кооператива «Марс», что в Новосибирске, подсунули под этот финансово-панельный пресс собаку. В качестве амортизатора.

Мол, друг человека помогать должен человеку, нечего ему задарма газоны портить. И обложили друга-собаку податью. Постановили: платить хозяевам за четвероногого жильца как за хозуслугу. Так и записали в протокол общего собрания.

Поскольку собак в доме не так уж и много, большинству пайщиков вышло некоторое послабление.

Хорошо это, но, думается нам, эффект все же слабоват. Вот если бы кошек еще туда же к собакам! А впрочем, зачем обижать и самую мелкую домашнюю живность? Ведь есть у людей канарейки, хомячки, золотые рыбки. Они тоже наши друзья. Пусть выручают кооперативную кассу!

А. ПЯТКОВСКАЯ

Г. и В. КАРАВАЕВЫ

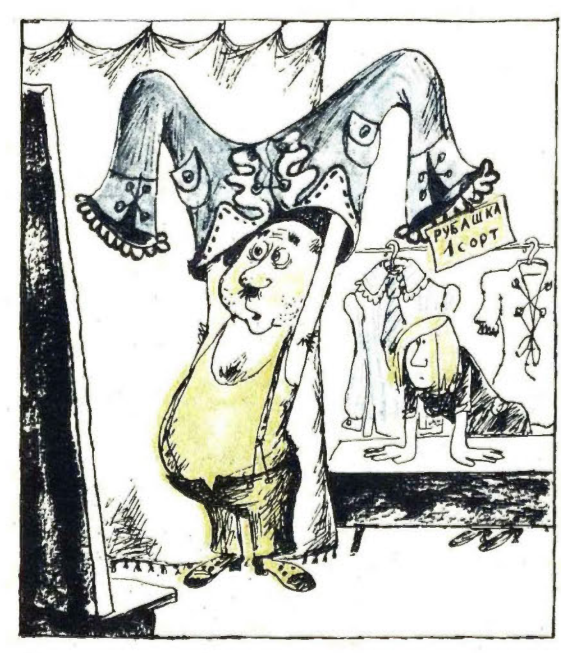
ЖИЛ ЧЕЛОВЕК РАССЕЯННЫЙ...

...Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.

Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

...В рукава просунул руки,
Оказалось — это брюки!

Н. ЯКОВЛЕВ,
сотрудник Саратовского радио

КОРОВА И ДОРОГА

Времена, когда достигшие кондиции животные добирались до бойни самоходом, давно канули в вечность. Расстояния нынче не те. Поставщик патентованных наваристых щей Перелюб, например, отдален от Энгельсского мясокомбината почти на 400 километров. От Озинок до Энгельса без малого 300 километров. Тут мы ведем счет по железнодорожной линии.

А по какой-нибудь другой линии Саратовская область отправлять коров и бычков не может. 180 тысяч тонн живности в самолет не втиснешь. Взлетит скот — взлетит соответственно и себестоимость мясца.

По той же причине нерентабельности невозможно отправлять скот посылками. А потому саратовские скотоводы, которые «приписаны» к Энгельсскому мясокомбинату, хотят они этого или не хотят, вынуждены идти на поклон к Приволжской железной дороге.

Ну, и что за беда? Устав железных дорог уважает корову. С любовью поминает он ее в «Тарифных руководствах», «Правилах перевозок» и прочих документах. Для нее, коровы, заботливо разработаны «скотские» маршруты. Езжай, буренка, с комфортом, окруженная заботой и вниманием работников стальных магистралей.

Хотите полюбоваться, как она путешествует в таких замечательных условиях? Тогда давайте отправимся на станцию Озинки. Здесь начинается один из «скотских» маршрутов.

Берем интервью у главного инспектора заготовок по Озинскому району А. Ф. Сафронова. Он откашливается и начинает:

— С этой станции мы отправляем более пяти тысяч только выбракованных коров. Груз наш, если хотите знать, специфический. Как нас обеспечивают подвижным составом железнодорожники?..

На полуслове инспектора прервал зычный рев.

— Пойду-ка я погляжу, что там такое! — воскликнул он и ринулся к путям. Мы последовали за ним.

Как оказалось, ревели двести коров совхоза «Комсомольский», уставшие стоять в очереди к вагонам. А на этом музыкальном фоне слышалась и декламация. Жарко препирались представители железной дороги и посланцы совхоза. Речь шла о недостающих четырех вагонах, без которых эшелон не мог уйти.

Коровы продолжали музицировать, а начальник станции тов. Романенко под натиском тов. Сафронова отправился «шукать порожняк». Долго ли, коротко ли, но порожняк все же нашли. Теперь предстояла более легкая задача — загнать в вагоны разбежавшихся по всей станции коров. На это дело мобилизовали всех свободных от работы должностных лиц. Благодаря самоотверженности железнодорожников эшелон ушел с опозданием всего лишь немногим более суток.

В такой же ситуации (возможны несущественные отклонения) проходит отправка живого груза совхозов «Чалыклинский», «Перелюбский», «Озинский», колхоза «Маяк революции» и откормсовхоза «Горный».

Но, несмотря на все это, руководители заволжских совхозов недовольны. Им, видите ли, не нравится, что зачастую от них даже заявки на вагоны не принимают. Спасибо директору откормсовхоза, он выручает, делая на заявках приписку: «Выделите в счет моего плана». Иначе хоть бандеролью посылай скотинку.

Откормсовхоз «Горный» вроде бы на особом положении. Он подчинен областному тресту «Скотопром», а таким солидным клиентам вагоны планирует само управление Приволжской дороги.

— Так-то оно так,— говорит директор «Горного» тов. Саблин, — но и у нас далеко не все идет гладко. Ходим по путям и разыскиваем свои вагоны. А зато возле них прохаживается симпатичная девица с секундомером и памяткой, куда записывается учет простоев. И в этой памятке написано, что вагоны поданы в 8 утра. И уже набежало шесть часов простоя.

Ну препираться некогда. Пока привезли скот, да пока сами совхозники заделывали особо крупные дыры в полах, секундомер хладнокровно делал свое дело. Не унимался он и глубокой ночью, когда скотоводы, чиркая спичками, разыскивали недостающий порожняк и загоняли в вагоны разбредшихся по всей территории животных.

В этом мы убедились сами: лишь утром следующего дня эшелон покинул станцию.

Вот вам и привилегированный клиент...

А теперь, если хотите, проследим за продвижением этого самого эшелона. Это очень интересно и весьма смахивает на вестерн.

...Легко мчит тысячесильный тепловоз длиннющий маршрут с живым грузом. Гремят, стучат, мелькают вагоны в глазах случайного зрителя.

А по шоссе параллельно железнодорожной колее во весь дух несутся грузовички с цистернами на борту. В цистернах плюхается вода.

Водители изо всех сил стараются не отстать от эшелона. Их подстегивает несущийся из вагонов рев.

Но вот станция. Эшелон останавливается.

И тут к вагонам притуляются грузовики, и сопровождающие коров скотники разливают из цистерн воду в самодельные поилки. Без воды скоты не могут. Без воды они не едят, а следовательно, катастрофически теряют в весе.

Вообще-то говоря, в правилах и уложениях предусмотрены пункты водопоя на пути «скотских» эшелонов. Такой пункт, например, находится в Ершове. Но старожилы не помнят случая, чтобы он работал.

Вот и спешат-торопятся вслед за «скотскими» поездами совхозные водовозы. «На дорогу надейся, а сам не плошай»,—приговаривают директора хозяйств, подписывая командировки водителям, отправляющимся в длительное авторалли.

Это спасает положение только частично. В «Маяке революции» подсчитали, что путешествие по железной дороге снимает с каждой скотины 25 килограммов веса. Только за полгода и только по этой статье колхоз потерял 23 тысячи рублей. Сюда не входят расходы на ремонт вагонов своими силами, штрафы за простой не по своей вине, суточные водовозов и прочее.

— А если учесть, что хозяйства нашего треста ежегодно сдают комбинату сотни тысяч голов, — это сколько будет? — говорит управляющий Саратовского треста «Скотопром» М. И. Кругликов.

Стараясь как-нибудь снизить потери, трест пошел на хитрость. Животноводы явочным порядком захватили рядом с комбинатом порядочный кус территории и возвели на нем базу. Здесь скот после изнурительного путешествия отдыхает, восполняя утраченные килограммы.

Примеру саратовцев последовали волгоградцы и казахстанцы, тоже тяготеющие к Энгельсскому комбинату клиенты Приволжской дороги.

Это новшество пришлось железнодорожникам по душе. Теперь можно сократить плановое строительство и реконструкцию скотоплощадок на станциях. В Ершове и Озинках, например, строительство погрузочных площадок отодвинули к 1980 году! А пока коровки пусть сворачивают шеи и ломают ноги, прыгая из кузовов автомашин в вагоны.

— Мы свято блюдем все правила, — клянутся руководители грузовой службы управления дороги.

Да. Устав железных дорог уважает корову. Это подтвердил и начальник Приволжской дороги И. Г. Павловский словами:

— Для перевозок скота у нас созданы особые условия.

Что правда, то правда.

Саратовская область.

В течение года «Крокодил» проводил конкурс фельетонистов. Публикацией этих двух фельетонов мы завершаем конкурс, результаты которого будут сообщены в № 36 нашего журнала.

В. ЗАПОРОЖЧЕНКО,
собкор «Комсомольской правды» по Кемеровской области

ВНИМАНИЕ, ЧЕРЕПАХА!

В центре Кемерова, на пятачке, что между крытым рынком, рестораном «Волна» и ларьком, где продается вино-разливуха, остановился вместительный автофургон. Таинственно заколоченные фанерой окна... Притягательная надпись на боку: «Автолавка». Новосибирский номер «59-13 НСК» — выдавал неблизкий путь.

«Картошку привезли? Запчасти?» — гадали завсегдатаи бойкого места. На всякий случай выстроилась очередь.

Из кабины выпрыгнул некто неопрятный и небритый. Обошел машину сзади. Поднял указательный палец. И на пыльном боку фургона магически начертал: «Черепаха 50 коп.».

Очередь онемела...

Но вот уже парнишка лет десяти выбирается из толпы, ликующе показывает свое приобретение: пару маленьких, с блюдце, черепашек. Ставит их на землю, подталкивает. Земноводные чуть шевелят неуклюжими лапами.

— Зачем тебе, мальчик, черепахи?

— У-у, у них такой панцирь! Интересно, если по нему машина проедет, он выдержит?

— Не, — просвещает подросток постарше. — Вчера эта лавка за Искитимкой торговала. Петька купил. Положил под троллейбус. Взорвалась, как бомба!

Кто-то ахает. Кто-то начинает говорить воспитательные слова. Как, мол, нехорошо быть живодером... Ребятишки хватают свои покупки и убегают.

Очередь растет. Кто-то говорит, что читал, какое объедение черепаховый суп, надо попробовать... Кто-то собирается держать экзотическое животное в квартире — на радость детям.

— А чем кормить черепаху, знаешь?

— А она сама того... Мышей ловит!

— И яйца будет нести. Что твоя курица.

Кому-то эти сведения кажутся недостаточно научными. И на помощь призывается хозяин фургона.

— Товарищ, а вы разбираетесь в черепахах?

— А чо в них разбираться? — огрызается хозяин.— Черепаха, она и есть черепаха!

— Товарищ, а почему они у вас еле шевелятся?

— Известно почему. Вас бы два с половиной месяца по тридцать штук в ящике подержать да без обеда, вы бы шевелились?

— А почему моя глаз не открывает?

— Известно, песком забило. Сколько раз ящики перегружали. Вас бы... Да мы ей сейчас глазки прочистим.— Неопрятно-небритый подносит черепаху к лицу, прицеливается, плюет под панцирь.

— Что же ты ей в рожу-то наплевал? — негодует покупатель. — Давай мне другую! Я деньги платил!..

Очередь возмущается: ну и разборчивые же попадаются граждане — меняют большую на маленькую, маленькую на большую, слепую на зрячую, неживую на живую... Очередь нервничает: распродана уже вторая или третья тысяча — вдруг не хватит?..

Точно, не хватило. Презрев мольбы какого-то подвыпившего гражданина: «Выбери мне хоть из брака, хоть с одним глазом!» — из фургона вылезает неопрятно-небритый.

Жду, когда он, ошалевший от подсчета полтинников, придет в себя. Здороваюсь, называю себя, спрашиваю: «Из какой вы организации? Как фамилия?» Небритый тоскливо озирается по сторонам. Угрюмо выдавливает: «А зачем вам моя фамилия?» — и... спасается бегством.

Иду в управление торговли, в Общество охраны природы. Всюду делают большие глаза: действительно, откуда вдруг появилось у нас в городе целое стадо степных черепах?! Высказывают самые невероятные предположения о личности небритого и о происхождении автофургона:

— М-да...

Наконец, звоню в Новосибирск директору зоокомбината В. П. Черкасову. И оказывается, вот где черепаха зарыта.

— До меня уже дошло, какой фурор произвели мы в Кемерове,— с явным удовлетворением отмечает Владимир Петрович.— Аж капот у нашей машины помяли!.. А что касается сопровождающего черепах Лясова — он у нас грамотный. Бухгалтер он. Перед пенсией пошел заготовителем поработать... По вопросу змей он грамотный. По вопросу лягушки он грамотный — сейчас в основном на лягушке сидит... Ну, а черепахи — это так, между прочим. Идем, как говорится, навстречу покупательскому спросу. Такие города, как Томск, Барнаул, мы давно черепахами насытили... Напишите про нас. Напишите, что вот расширяем торговлю, не обошли нынче Кемерово, ребятишек живыми игрушками наградили...

Я обещал написать.

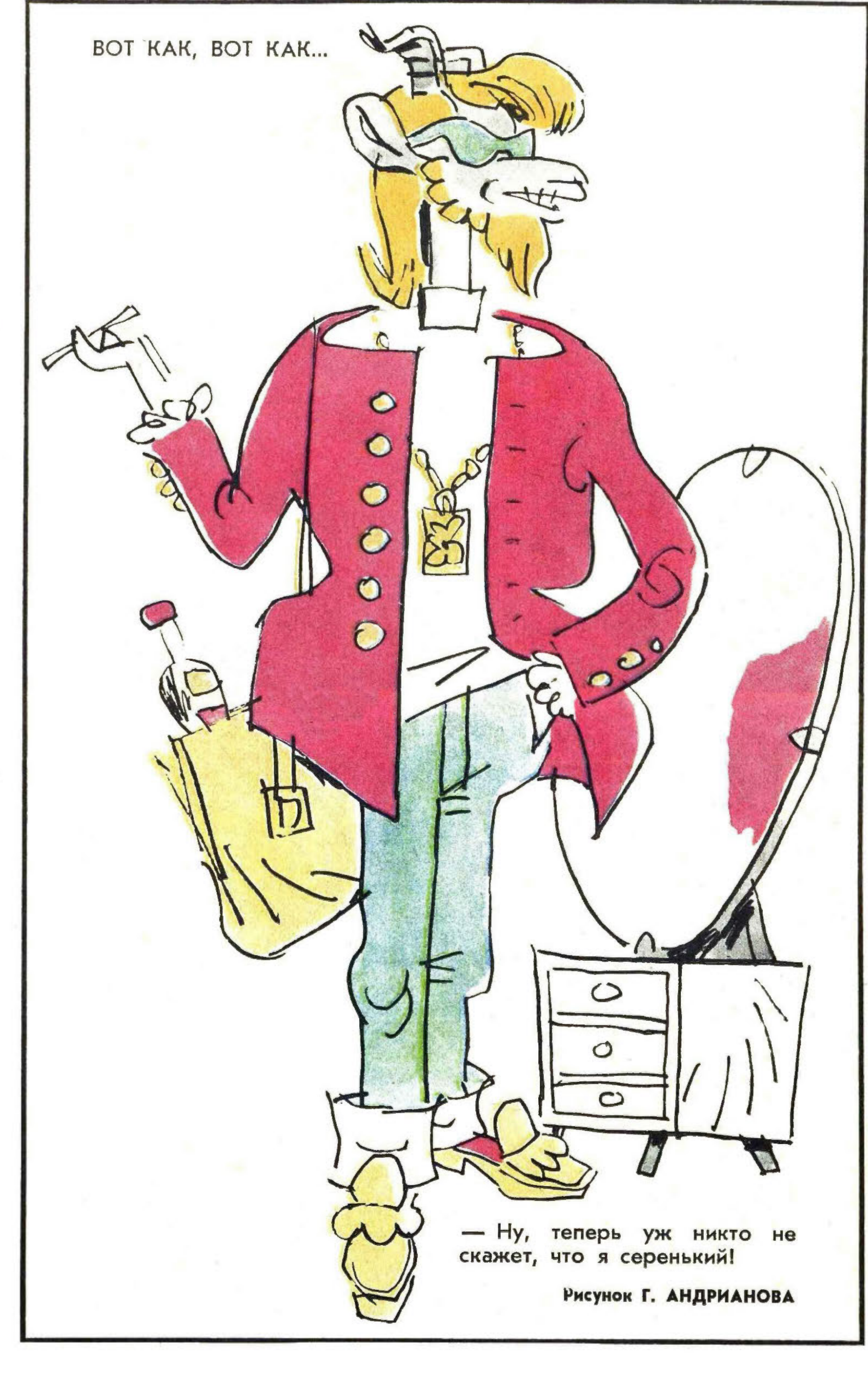
Конечно, здорово, когда у сибирского мальчишки или девчонки появляется дома живой уголок и живет там диковинное и безобидное экзотическое животное.

Но ведь торговать животными для юных любителей природы можно по-разному. Можно так, чтобы уже самой обстановкой купли-продажи воспитывать доброе, человеческое отношение к живой природе. С консультациями знатоков. С брошюрками-инструкциями на прилавке. В общем, культурно... И ни в коем случае не так, как было это на бойком пятачке в Кемерове.

Не зря небритый Лясин выбросил черепаший десант втайне от местного Общества охраны природы и от управлений торговли города и области. Не зря испугался и сбежал. Грамотный. Понимает.

...Как сообщили из Новосибирска, автофургон с выручкой благополучно вернулся в зоокомбинат. Готовятся черепаховые налеты на другие города и поселки.

г. Кемерово

— Ну, теперь уж никто не скажет, что я серенький!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

МИМОХОДОМ

Исполняющий обязанности работника умственного труда.

Искусство говорить иногда сильно вредит умению слушать.

Мотоцикл — индивидуальное средство нарушения общей тишины.

И одним днем жизни можно убить бессмертие.

На статьи закона смотрел, как на дорожные знаки, указывающие, где надо обойти.

Стоит ли напрягать зрение, если можно смотреть на мир чужими глазами?

Защитил диссертацию по луговодству, а там хоть трава не расти.

Кроме ошибок, в его работах не было ничего серьезного.

Тот, кто мутит воду, часто считается более деятельным, чем тот, кто сохраняет ее чистоту.

Только тот, кто моет пол, хорошо знает, как надо вытирать ноги.

Чем больше заборов, тем больше и лазеек.

А. ЛИГОВ

Добряк Бяковский

Бяковский быстро шел по длинному коридору своего учреждения, а навстречу ему шагал мрачный, чем-то сильно озабоченный его сослуживец Кизилков.

Они встретились нос к носу.

— Что с вами, Максим Павлович? — сказал Бяковский.— На вас же лица нет! Где вы оставили свое лицо, отвечайте!

— В месткоме,— ответил Кизилков, тронутый сочувственным вниманием сослуживца.— Сказали, что не могут сейчас достать для меня путевку в санаторий. А у меня язва разыгралась, я ждать не могу.

Почти без паузы Бяковский сказал:

— Ессентуки с 20-го вас устраивают?

— Конечно!

— Поворачивайте оглобли, пошли вместе в местком. Я скажу им, что уступаю вам свою путевку!

— А... как же вы сами? У вас, кажется, тоже язва?..

— Она у меня не такая игривая, как ваша! — великодушно улыбаясь, сказал Бяковский.

Кизилков приложил одну руку к груди, на глазах у него выступили слезы.

— Борис Сергеевич... дорогой... не знаю даже, как и чем я сумею вас отблагодарить!

Счастливый, растроганный, Кизилков всем рассказывал про моральный подвиг сослуживца, который тот совершил так легко и красиво. Особенно сильное впечатление его рассказ произвел на девиц-лаборанток подружек Тусю и Пусю.

Стриженная под мальчика, хорошенькая, экзальтированная Туся сказала:

— Кто бы мог подумать, что Бяковский способен на такой благородный поступок! Посмотреть на него — типичная серенькая мужская особь! Некрасивый, всегда потный, женатик. А какое оказалось сердце!

Меланхолическая толстушка Пуся, безнадежно влюбленная в старого холостяка Блажевича из бухгалтерии, тут же ей возразила:

— А по-моему, лучше быть некрасивым и потным «женатиком», чем прекрасным, но сухим холостяком-эгоистом.

— Тебе виднее! — съязвила Туся.

Из Ессентуков Кизилков приехал посвежевшим и окрепшим — его язва успокоилась и перестала «играть». И Бяковский — он провел свой отпуск у тетки на Украине — тоже вернулся на работу лоснящимся, мордастым и снова забегал по коридорам, бодро потея на ходу.

Встретив Кизилкова, он сказал:

— О, я вижу, что моя путевочка пошла вам впрок! Ваше лицо вернулось на свое прежнее место!

— Борис Сергеевич, еще раз примите мою бесконечную благодарность!..

— Голубчик, не надо!.. Мы с вами живем по нашему моральному кодексу, который... В общем, давайте обойдемся без громких слов!

И почти без паузы спросил у Кизилкова, смотревшего на него влажными преданными глазами:

— Вы билеты на сегодняшний «матч века» в Лужники достали?

— Достал. А вы?

— А я нет. Уступите их мне, голубчик! Хорошо?

— Пожалуйста! — Кизилков, которому очень хотелось посмотреть «матч века», недрогнувшей рукой достал из бумажника драгоценные билеты и отдал их Бяковскому. Тот небрежно сунул их в карман пиджака и побежал по коридору. Бегать по коридорам было главным занятием Бяковского в этом учреждении.

С того дня добряк Бяковский, встречая Кизилкова, сначала в той или иной форме напоминал ему про ессентукскую путевку, а потом просил о чем-нибудь. Иногда это была просто «десятка до понедельника», иногда нечто более крупное. Так, однажды Кизилкову пришлось подменить Бяковского и вместо него отправиться в трудную, малоприятную командировку. Отказать человеку, который так легко, просто и красиво пошел на жертву ради товарища по работе, деликатный Кизилков не мог.

Как-то Бяковский позвонил Кизилкову по телефону домой и в обычной своей безапелляционной манере сказал:

— Максим Павлович, голубчик, выручайте!

— Пожалуйста, Борис Сергеевич! Что случилось?

— Понимаете, тут ко мне тетка приехала с Украины погостить дней на десять. А у меня жена больна да и квартира маленькая, у вас побольше. Можно, я к вам направлю единоутробную тетку со своей раскладушкой? Что же вы молчите? Впрочем, молчание — это знак согласия. Тетка у меня старуха занятная, с ней не соскучитесь. Столоваться она, конечно, будет у меня, не беспокойтесь... Ну, как, можно тетку присылать?

После долгой паузы Кизилков с трудом сказал в трубку:

— Хорошо, присылайте вашу единоутробную раскладушку.

— С теткой в придачу?

— С теткой. Можете и дядю тоже прислать. В придачу.

— Всё острите, а у самого голос какой-то сдавленный. Неужели опять ваша язва заиграла? Не рано ли? Ведь вы же совсем недавно по моей путевке ездили в санаторий!..

Десять дней, проведенных Кизилковыми в обществе тетки Бяковского, прошли как кошмарный сон.

Старуха оказалась действительно занятной, даже симпатичной, но очень болтливой, глуховатой и с «пунктиком»: она свято и самозабвенно верила в лечебное всемогущество своих трав. Кроме раскладушки и чемодана, она привезла с собой мешок сушеной травы и, узнав, что у Кизилкова — язва, буквально ополоумела от радости.

— Борька спихнул меня к вам,— вопила глуховатая тетка Бяковского на всю квартиру,— но считайте, что вам повезло! Я вас вылечу в два счета! Сегодня же начнем пить мой раствор!

Кизилков вежливо отказался. Старуха настаивала. Кизилков был тверд. Тогда тетка Бяковского стала вопить еще громче, потом зарыдала и объявила, что сейчас же вернется к «этому подлецу Борьке», если Кизилков не согласится лечиться ее травой. Деликатный Кизилков дрогнул. А тут еще появилась его жена, отвела мужа в сторону и шепотом сказала, что уже звонили соседи и припрозили, что вызовут милицию, если Кизилковы не перестанут издеваться над приезжей родственницей.

Отвар был отвратительным на вкус напитком, у Кизилкова от него надолго расстроился желудок. Сама старуха предпочитала портвейн три семерки. Столовалась она, конечно, у Кизилковых.

И все же старуха сыграла положительную роль в этой печальной истории. Накануне отъезда, за прощальным ужином, Кизилков спросил у нее:

— Скажите, Софья Григорьевна, Бориса Сергеевича вы тоже лечили от язвы?

Старуха, хлопнувшая четвертую рюмку портвейна, состроила презрительную гримасу.

— У этого негодяя никакой язвы не было и нет! У него был паршивенький гастрит, да и то он вылечил его в санатории.

После этого разговора Кизилкову все стало ясно. У него, как говорится, открылись глаза.

Дня три спустя Бяковский, налетев на Кизилкова в коридоре, попросил у него очередную «десятку до понедельника». Подавив сильным напряжением воли противное чувство смущения и неловкости, Кизилков твердо сказал:

— Не дам! Хватит!

— Почему так грубо?

— Потому что вы... потому что я... все про вас понял. Оставьте меня в покое!

Бяковский отступил на шаг, сказал скорбно:

— Вот так всегда! Делаешь людям добро, а они...— махнул рукой и побежал по коридору.

Когда на следующий день Кизилков вошел в свою лабораторию, Туся и Пуся не ответили на его утреннее приветствие.

Он прошел на свое рабочее место, занялся делом.

Тогда Туся нарочито громким голосом сказала Пусе:

— По-моему, неблагодарный человек — это аморальный человек. А по-твоему, Пуся?

Пуся ответила:

— По-моему, быть женой такого человека — это большое несчастье!

С работы Кизилков вскоре ушел по собственному желанию.

На производственном фронте
станки пели, как фанфары, прославляя доблестных тружеников славянского завода «Ремстройдормаш». В цехах было прибрано и торжественно. Празднично сверкал обработанный металл. Ушли в небытие прежние худосочные показатели. Новые цифры напоминали этаких упитанных, розовощеких бутузов. Вышестоящий трест «Промстройматериалы» поздравил коллектив завода с победой в соревновании нежной телеграммой. В кабинете директора впервые за всю историю обработки металла обосновалось переходящее Красное знамя треста. Приказ о премировании почти целый месяц украшал доску объявлений.

Премия где-то буксовала.

На сорняковом фронте
шло похвальное искоренение амброзии. Вредоносный сорняк амброзия коварен во время цветения. Его желтая пыльца витает в воздухе и угрожает населению астмой. Население увещевали словом и плакатом, мобилизовывали на выдергивание сорняка.

Есть кому воодушевлять атаку на маскирующееся под полынь растение. При горисполкоме создан штаб по уничтожению амброзии, организована общественная инспекция. Две административные комиссии обсуждают сорняковые темы. И, наконец, в районном управлении сельского хозяйства сидит инспектор по карантину растений товарищ Карпов.

Нельзя сказать, чтобы все эти инспекции, штабы, комиссии и товарищ Карпов слабо функционировали. Они функционируют довольно бурно. Собираются, делают выводы, принимают решения. И рапортуют в крайисполком: «Лекций прочитано 57, статей антиамброзийного характера опубликовано 11, передач по радио состоялось 9».

А между тем, несмотря на такую обильную цифирь, сорняк полностью не истреблен. То ли агитация велась формально, то ли еще что. Встречается он и на частных огородах и на территориях предприятий. И чем его взять — никто не знает.

Кроме, может быть, товарища Карпова.

На производственно-сорняковом фронте
наступательные операции ведутся через районное отделение Госбанка. Банк как бы связует обработку металла с сорняковой действительностью. Сорняком давят на психику участников производственного процесса.

Вот типичный диалог между главбухом «Ремстройдормаша» и банковским служащим:

— Где наша премия, завоеванная в ходе соревнования?

— А где ваша справка, завоеванная в ходе выдергивания амброзии?

— Премия дана за снижение себестоимости товарной продукции. Амброзия ее себестоимости не повышает.

— Мы не специалисты по амброзии. У нас указание райисполкома: без справок от Карпова о выкорчевывании сорняка премий никому не выдавать. Обратитесь к нему.

Товарищу Карпову, сидящему, так сказать, на стыке материального поощрения и материального ущемления, дано право продлевать радостное томление премированных передовиков производства. Передовики томятся неделю, другую, третью. Потом наседают на своего главбуха. Главбух, теряя очки, ползает по территории предприятия в поисках сорняка. И не находит его. Сорняк, оказывается, давно истреблен под корень.

Главбух нервно крутит телефонный диск.

— Товарищ Карпов, пишите справку — с амброзией покончено.

— Может, покончено, а может, и нет. Утром подайте к моему подъезду автомобиль. Проинспектирую лично.

— Автомобили мобилизованы на сельскохозяйственную уборку. Подать не получится.

— Не ехать же мне городским автобусом. Вы у меня не одни.

Не одни дормашевцы у инспектора Карпова, ой, не одни. Встревает он и в материальное стимулирование прочих производственных служб города. И на какое-то время заклинивает стимулирование. В просителях у него завод бетонных изделий, швейная фабрика, маслозавод, ПМК, нефтегазодобывающее управление. Все они получают свои кровные денежки, заработанные честным трудом, только с благословения товарища Карпова.

Всесилен и могуч данный товарищ. Ровно месяц волокитил он справку для «Ремстройдормаша». По всей видимости, не столько из сорняковых соображений, сколько из автомобильно-принципиальных. И, наконец, завод, награжденный Красным знаменем и поощренный денежной премией, был вознагражден за свое терпение и поощрен справкой от инспектора Карпова.

Это, товарищи, двойная победа передового предприятия. И еще неизвестно, что труднее: победить в соревновании или получить в банке заслуженную премию.

Легче всего, конечно, отстающим предприятиям. Они и работают с прохладцей и премий не получают. Их не карает товарищ Карпов, в каких бы зарослях амброзии они ни утопали.

Он карает исключительно передовиков.

г. Славянск-на-Кубани, Краснодарский край

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

УЩЕМЛЕНИЕ СОРНЯКОМ

Рисунок В. ШКАРБАНА

Владимир ЛИФШИЦ

ПТИЧКА

СТАРАЯ ПЕСЕНКА НА НОВЫЙ ЛАД

Начиная с десяти,
Около вокзала
Во торговой во сети
Птичка торговала.

Пудра, хна, карандаши,
Бигуди, расчески —
Что угодно для души
У нее в киоске.

Беспечально шли года.
Но... проворовалась
(Это в прошлом иногда,
Говорят, случалось.)

Сделать вывод здесь простой
Могут даже дети:
Ах, попалась, птичка! Стой!
Уходи из сети!

Но восполнить помогли
Птичке недостачу,
На птенца перевели
Поскорее дачу.

Все пустили связи в ход,
Созвонились с главком,
И сидит уж птичка год...
За другим прилавком!

Предлагает шерсть, лавсан,
Кофты, блузки, шляпки
И, как прежде, нам в карман
Запускает лапки.

Кто-то с птичкой заодно
Должен быть в ответе:
Хоть попалась птичка, но
Не ушла из сети.

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

А. ЩЕБЛАНОВ

Как известно, Италия славится выдающимися памятниками архитектуры и замечательными произведениями живописи. Не менее известны во всем мире и итальянские макароны, которые можно приготовить тысячью способов, а также великолепное красное вино «Кьянти». Кроме всего прочего, эта прекрасная страна знаменита еще и плеядой высококвалифицированных журналистов, среди которых одно из первых мест по праву принадлежит синьоре Ориане Фаллачи. Ее необычайная неутомимость вот уже на протяжении многих лет вызывает зависть коллег и восхищение многочисленных читателей.

Многие годы подряд все шло хорошо у Орианы Фаллачи: она успешно ездила в Бразилию и в Камбоджу, на Кубу и в США, но однажды, возвратившись с Цейлона, заболела. С кем не случается? Но тут, как на грех, ей сообщили, что появилась возможность совершить вояж в СССР.

«Ехать или не ехать?» — этот вопрос встал перед синьорой Фаллачи во всей его гамлетовской сложности. Посоветоваться было не с кем: семейный астролог был, как назло, в отпуске, гадать на картах синьора Фаллачи не любила, к врачам обращаться побоялась. И все же не такой она человек, чтобы эти мелкие неудобства помешали ей принять решение. «Ехать!» — заявила синьора Фаллачи со свойственной ей решимостью.

И поехала.

А по возвращении из недельной поездки по Советскому Союзу опубликовала на страницах журнала «Эуропео» свой дневник, отрывки из которого мы и намерены процитировать здесь. Но отнюдь не для смеха. Упаси боже! Разве можно смеяться над больным человеком, да еще над таким прославленным, да еще над женщиной? Нет, ни в коем случае!

Цель нашей публикации совсем иная, мы бы сказали, более утилитарная: лишь показать, насколько важно вовремя обратиться к врачу.

* * *

Поначалу поездка синьоры Фаллачи протекала хорошо, можно даже сказать, отлично.

«Мы опускаемся на Шереметьевский аэродром. Если бы не березовые рощи, я бы подумала, что мы находимся над аэропортом Кеннеди. Те же геометрические улицы, те же виллы, те же квадратные дома. Разве это не Лонг Айленд?.. Казалась американской и дорога, которая вела в город... Нас поместили в гостиницу «Ленинград», что-то вроде «Хилтона» в США...»

Но дальше, увы, дела пошли хуже. У нашей уважаемой гостьи начала подниматься температура, и ей пришлось провести безвыходно несколько дней в отеле. Напрасно терять время не хотелось. И синьора Фаллачи, держа в одной руке ручку, а в другой носовой платок, начала сочинять:

«Чтобы советский гражданин мог поехать из Ленинграда в Москву, он должен дать тысячу объяснений соответствующим организациям и получить специальное разрешение, что-то вроде характеристики».

Ах, синьора, если бы только из Ленинграда в Москву! Вы просто не заметили, что пройти в Москве по подземному переходу с одной стороны улицы на другую — тоже надо преодолеть бюрократические рогатки: приходится предъявлять метрики, характеристики, рекомендации соседей и т. д.

«Мясо стоит бешеные деньги: 17 рублей 50 копеек за один килограмм... Правда, русские покупают его сразу по 10 килограммов и вкладывают в холодильники».

Увы, ошибка, синьора. Вынуждены вас поправить. Очевидно, когда вы вносили цифры в свой путевой блокнот, ваши обессиленные гриппом пальцы так слабо держали карандаш, что одна единичка не получилась на бумаге. 117 рублей 50 копеек стоит у нас килограмм говядины. И держим мы ее не в домашнем холодильнике, а отправляем в Якутию, чтобы хранить в условиях вечной мерзлоты.

Вынужденное пребывание в гостинице синьора Фаллачи использует также и для первых контактов с советскими людьми. Так она знакомится с дежурной по этажу и с ужасом узнает, что «ее рабочий день длится 72 часа непрерывно». Разделяем ваш ужас, многоуважаемая гостья. Хотя в данном случае вас опять ввели в заблуждение. На самом деле рабочий день в СССР длится не 72 часа, а 96 часов в сутки, причем, разумеется, без перерыва на обед...

Ошибочно решив, что ей полегчало, синьора Фаллачи отправляется в Ленинград. Однако даже эта короткая поездка окончательно выбивает ее из колеи: у уважаемой гостьи начинаются галлюцинации — очевидно, осложнение на почве гриппа.

В Ленинграде «прохожих почти нет: только иностранные туристы. Магазины пусты, куда же делись люди, куда же делись дети? Что за город без детей?»

Если вам скажут, синьора, что Советская власть летом вывозит ребятишек за город, на зеленое раздолье лесов и полей, не верьте. В разгар туристического сезона всех коренных ленинградцев и особенно впечатлительных детей отправляют из Ленинграда в Петропавловск-на-Камчатке. Чтобы не подпали под вредоносное влияние туристов. Запишите это в свой блокнотик, синьора, обязательно!

Зато «какой приятный сюрприз,— радуется, наконец, итальянка,— найти у себя в комнате личный телефон!» (Телефоны в России только для иностранцев, дорогая синьора Фаллачи. Русские их и в глаза не видели. Они пишут друг другу записочки на бересте и переправляют их торговыми караванами.)

Ориана Фаллачи вместе со знакомым (конечно, разве можно ходить одной в таком состоянии!) идет в Театр имени Кирова. «...Мы опоздали. Нужно подождать, пока закончится первый акт, и мы садимся перед входом в зал. Через несколько минут рядом с нами появляется какой-то тип. На вид ему лет тридцать—сорок. Одет он в какую-то рвань: заштопанный пиджак, грязные, помятые брюки, сандалии на босу ногу. Он крутится вокруг нас, затем усаживается рядом и смотрит на нас безумными глазами, при этом непонятно двигая руками, кусая губы и вздыхая. Создается впечатление, что с ним сейчас произойдет приступ шизофрении. Он ничего не говорит довольно долго, потом вдруг произносит неожиданно ласковым голосом: «У вас нет лишнего билета?» Кончается первый акт, и навстречу нам выходит толпа мужчин в помятых рубашках, женщин в кухонных фартуках... «Евгений Онегин» — абсолютно никчемная вещь. Плохие исполнители, бедные костюмы, убогая постановка. Музыка тоже ничего не стоит. Возможно ли, чтобы русские довольствовались столь немногим? Разумеется, они не знают, что есть вещи и получше!» (Откуда же им знать, синьора! Эти простодушные женщины уверены, что кухонный фартук — лучший наряд для театра, а Чайковского по своей ограниченности считают гениальным композитором.)

После спектакля синьора Фаллачи направляется поужинать в ресторан «Садко». По дороге она всюду видит молодых людей, «которые прогуливаются с кастетами в руках и бьют направо и налево без всяких причин».

Не судите их строго, синьора,— так воспитали их в нежном возрасте. По старинному обычаю мы кладем деткам в колыбели маленькие кастетики. До трех лет младенцы их сосут, затем пользуются ими как погремушками, а со школьной скамьи используют по прямому назначению. Обязательно вставьте эту информацию в ваш следующий очерк о России.

Здесь бы и остановиться нашей уважаемой гостье, отдохнуть, серьезно подлечиться. Но нет! С мужеством, достойным истинного восхищения, она отправляется в Новосибирск. В дороге у нее еще выше подскакивает температура, появляются тревожные симптомы мании преследования: «...В самолете рядом со мной два блондина, которые делают вид, что не знают итальянского, но они знают его лучше меня. Как только я говорю что-то для них неприятное, они смотрят на меня ледяными глазами и подходят поближе, чтобы лучше слышать...»

Самолет садится в Новосибирске. Температура под мышкой у синьоры доходит уже до 40 градусов по Цельсию. «Двое шпионов, постоянно находящихся рядом, замечают это и немедленно сообщают в больницу». Через пять минут появляются врачи, но синьору Фаллачи голыми руками не возьмешь. Она умело отделывается от них и садится в самолет, направляющийся в Ташкент. Здесь — новая неприятность. Появился «врач-кореец, который ощупал меня, поставил градусник и сделал сенсационное открытие, что у меня действительно высокая температура... Затем он сказал, что у меня воспаление кишечника и требуется срочная операция». Синьора Фаллачи, естественно, отказывается от операции и торопится на самолет в Москву. И опять поток захватывающей дух информации:

«...Самолет полон мужиков, которые едут в Москву, чтобы продать на черном рынке свою продукцию. Интересно, кто дал им разрешение на выезд из Ташкента? Под моим креслом лежит четверть туши быка, завернутая в белую простыню, на которой проступают пятна свежей крови. Другая четверть туши лежит в ногах моего соседа. Но разве это не запрещено? Разве торговля на черном рынке не карается смертной казнью?»

Спешим разрешить ваши мучительные сомнения, синьора. Запрещено. Карается. Ташкентские мужики — самоубийцы. Они летят на черный рынок, именуемый у нас bazar, на верную смерть. За торговлю горохом у нас расстреливают из пулемета, за продажу картофеля — из гаубицы, за торговлю мясом — четвертуют. Добавьте это непременно, когда будете издавать ваши очерки отдельной книгой!

У трапа самолета в Москве синьору Фаллачи вновь ожидает «Скорая помощь». Как только она спустилась по трапу, навстречу ей направился врач «со значком члена КПСС в петлице. И я сразу же слышу приговор: «Клизму ей! Клизму!» Я возмущаюсь, протестую, но врач неумолим: клизма-де никогда и никому не вредила, она-де помогает от всех заболеваний, в том числе и от зубной и от «ушной» боли». (Смешно, но все это очень старо, уважаемая синьора Фаллачи. К тому же в горячке вы забыли две существенные детали: как помнится, Швейку прописывали еще и аспирин с мокрой простыней, не так ли?)

Как нам стало известно, вы все-таки благополучно добрались до Италии. Ничто не сломило вашего боевого духа.

В конце своего дневника вы задаете вопрос: «А пустят ли меня еще раз в СССР?» По понятным вам причинам ответить на него мы попросили наших врачей. Они считают — и пусть это будет вам легким утешением,— что еще не все потеряно: хорошие лекарства и полный покой вновь поставят вас с головы на ноги.

Скорейшего вам выздоровления, синьора Фаллачи!

Президент Тхиеу принимает парад.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно...

Отныне в роли петуха выступает 26-летний хиппи из Нью-Йорка Аллан Дж. Веберман. Но не в пример крыловскому петуху он знает подлинную цену находкам. По ночам он рыщет в мусорных кучах у домов именитых сограждан, выискивая «жемчужины».

Недавно Веберман исследовал свалки у особняков банкира Дэвида Рокфеллера и певца Боба Дилона. Миллиардер оказался скуп: обглоданные косточки цыпленка и банка с остатками консервированной свеклы — вот и все трофеи. Зато у Дилона Веберману повезло: он извлек из мусора незаконченное интимное письмо певца.

«Можно многое рассказать о людях, основываясь на их мусоре,— говорит хиппи-петух.— Например, об их политических убеждениях, взглядах на жизнь, характере».

Как сообщает газета «Интернешнл геральд трибюн», Веберман готовится к ночным рейдам с тщательностью хирурга: надевает белоснежную сорочку, гладко выутюженные брюки, перчатки, очки в золотой оправе. В руках у него новая пластмассовая сумочка, в кармане 50-долларовая ассигнация «на всякий случай».

В ближайшее время он намерен вести «социологические исследования» в мусорных свалках у особняков вице-президента США Спиро Агнью, министра юстиции Джона Митчелла, знаменитого жокея Эдди Аркаро. До них он уже разрывал отбросы во дворе дома боксера Мухамеда Али (Кассиуса Клея), лидера американских хиппи Аби Гоффмана и драматурга Нейла Саймона.

Надо сказать, что служение Вебермана науке не бескорыстно. Например, на публикациях о своих находках только у Дилона он получил гонорар в размере 900 долларов.

Сейчас нью-йоркский хиппи работает над книгой под многозначительным названием «Вы есть то, что вы выбрасываете».

Такая формулировка вряд ли понравится именитым согражданам Вебермана!..

О. ГРИГОРЬЕВ

Кошелек расистского образца.

Рисунок М. АБРАМОВА

Мих. ЕВСЕЕВ

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Мистер Теодор Герденер плакал.

Крупные и мелкие слезы выкатывались из его добрых глаз и капали на все окружающее.

Бедному Теодору было невыносимо жаль себя, своих родных и близких, своих друзей и знакомых, свое начальство и своих подчиненных.

Мистер Теодор Герденер высморкался, нажал кнопку звонка и кивнул головой выросшему в дверях полицейскому.

Через минуту перед мистером Герденером предстал арестованный Адам Джонс.

— Вам известно, за что вы арестованы? — спросил мистер Герденер сквозь слезы.

— Нет, господин министр внутренних дел! — проникновенно воскликнул Адам Джонс и ударил себя в грудную клетку. — Абсолютно неизвестно, уверяю вас! Это трагическое недоразумение! Я...

— Что — вы? — переспросил мистер Герденер и горько хлюпнул носом. — Вы читали газету «Ранд дейли мейл»?

— Не читал, — виновато пролепетал арестованный.

— Так я и думал,— печально сказал мистер Герденер и стряхнул с кончика носа хрустальную слезу. — А ведь именно в этой газете изложена речь, в которой я довожу до всеобщего сведения, что правительство нашей Южно-Африканской Республики запретило семьдесят две организации! А по какой причине, как вы полагаете?

— По какой? — вежливо поинтересовался арестованный.

— По такой, что они пытались подорвать положение белого человека и несчастной, задерганной, вечно страдающей, самой гуманной южноафриканской полиции!

Министр прижал к глазам мокрый от слез платок.

У дверей всхлипнул полицейский.

— Это ужасные организации, — через силу продолжал мистер Герденер. — Возьмите, например, Всемирный совет церквей, призывающий возлюбить ближнего! А где оговорка о том, какого цвета должен быть этот ближний, а? Где она, я вас спрашиваю?

— Но моя фирма... — робко возразил арестованный.

— Не надо, умоляю вас,—простонал мистер Герденер. — Неужели вы не понимаете, насколько бесчеловечны все эти организации? Мы запретили семьдесят две, но опасность отнюдь не уменьшается! Вот, допустим, общество по спасению утопающих. А каких конкретно? Цвет утопающих не указан. Или ассоциация по борьбе с коклюшем. А с чьим коклюшем, позвольте вас спросить? Разве порядочному человеку безразлично, кто именно кашляет — белый или цветной? А лига коллекционеров бабочек? Каких бабочек, черт подери?! Есть от чего прийти в отчаяние!

— Но моя фирма предлагает только детские стульчики, — заикаясь, сказал арестованный. — С дырочкой.

— О боже! — задрожал министр.— А для кого эти стульчики и для кого эта дырочка? С какой целью?

— С самой, простите, естественной, — выдавил арестованный.

— Не прощаю! — крикнул мистер Герденер. — Не прощаю и не прощу! В ваших проспектах рекламируются стульчики всех цветов и оттенков! А что, если ими воспользуются цветные дети? Тут ведь и до заговора недалеко!

Арестованный Адам Джонс закачался.

— Предложите ему сесть, — сказал министр полицейскому. — Мы не какие-нибудь варвары.

Заплаканный полицейский дал Адаму Джонсу по шее, и тот опустился на пол.

— Какое коварство — эти стульчики, — печально проговорил мистер Герденер. — Какая вопиющая жестокость!

Арестованный Адам Джонс попытался встать, но полицейский вежливым ударом кулака предложил ему не беспокоиться.

— А содружество астигматиков-дальтоников? — жалобно продолжал министр. — Представьте себе на одну минуту, что человек путает белое с черным, и вы поймете всю чудовищность такого содружества!

Арестованный Адам Джонс открыл рот, пытаясь что-то сказать в защиту стульчиков, но под воздействием того же аргумента полицейского больно прикусил язык и прилег.

— С ума можно сойти! — не успокаивался мистер Герденер, из последних сил сдерживая горючие слезы.— С ума можно сойти, когда подумаешь, сколько угроз таят все эти организации! Сколько коварства, кровожадности, свирепости надо иметь, чтобы вот так угрожать спокойствию и миру в нашей свободной стране!

Арестованный Адам Джонс смотрел в потолок и молчал в знак согласия.

У дверей беззвучно рыдал полицейский.

В УДАРЕ...

Хизри Омарович Макамаев, член Верховного суда Дагестанской АССР, приехал как-то из Махачкалы в Хасавъюрт и так сказал адвокату Халилову:

— Абдулла, разве джигит не брат джигиту?

— Брат,— подтвердил адвокат Халилов.

— Я страшно спешу! — озабоченно продолжал Хизри Омарович.— Я должен рассмотреть с тобой тут одно дело и ехать дальше. Сегодня пятница. Как джигит джигита и брат брата, я прошу тебя, Абдулла, поработаем и в выходные!

Конечно, работа в выходные дни не сулила адвокату большой радости. Но как сын чтит отца, так и Абдулла Халилов уважал и почитал члена Верховного суда Макамаева. И потому, не задумываясь, ответил:

— Просьба Хизри Омаровича — для меня честь!

— Спасибо, Абдулла! — просветлел член Верховного.— Начнем.

Два дня без особых трений и заминок вершился в Хасавъюрте суд по делу некоторых нехороших граждан. На третий возникли отдельные неувязки в показаниях свидетелей. Судья Макамаев занервничал и, объявив двухминутный перерыв, удалился в соседнюю комнату для размышлений.

Прошло полчаса — его нет.

Адвокат Халилов приоткрыл дверь в комнату и произнес:

— Хизри Омарович, время перерыва истекло.

В ответ зал услышал раздраженный голос:

— Вон!

Прошло еще полчаса — судьи нет.

Адвокат вновь сунулся в ту же дверь.

— Хизри Омарович, сегодня воскресенье. Может, отложим?..

Сформулировать предложение до конца он не успел. Судья Макамаев резко толкнул дверь вперед, и адвокат, отлетев от нее в зал на манер мячика, врезался в судейский стол и с шумом распластался на подмостках.

Домой он вернулся с подвешенной на перевязи левой рукой и с заключением судмедэксперта: «Ушиб плечевого пояса с разрывом связок плечевого сустава и внутренним кровоизлиянием».

Сейчас представители республиканской Фемиды ломают головы: как быть? С одной стороны, судья, призванный демонстрировать строжайшее соблюдение законности, проявил элементарное хулиганство, и, стало быть, его надо привлекать к ответственности. А с другой стороны, как же привлекать? Ведь он не просто судья, а член Верховного!

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

— Я вам, так и быть, заодно и рояль отполирую!

Рисунок **В. КАНЕВСКОГО**

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Пятницу 6 августа 1971 г. я с утра принял за субботу и поэтому утром остограммился. А когда теща мне доказала, что в пятницу была не суббота, а пятница, я понял, что на работу идти бесполезно».

(Из объяснительной записки)
Выписал А. Афонин, г. Барнаул

«Акт составлен в том, что пало 27 овец вследствие прогрессивного исхудания, наступившего по хозяйственным соображениям».

Копию снял В. Тарасов, г. Балашиха

РЫНОК ПЕРЕВЕДЕН В ЛЕТНИЙ ТЕАТР
Дирекция рынка

Прислал В. Каневский, г. Ташкент

КНИГА ПО УЧЕТУ ПРОИЗВОДСТВА
(кроме производства)
за 19 год

Прислал В. Черепанов, Красноярский край

Лифт не работает.
примёрз.

Прислал В. Тенгаев, г. Барыш

Обявление
Зовтря Магазин №17 не работает ввиду похорона дяди зав Мага

Прислал Г. Гергель, г. Фергана

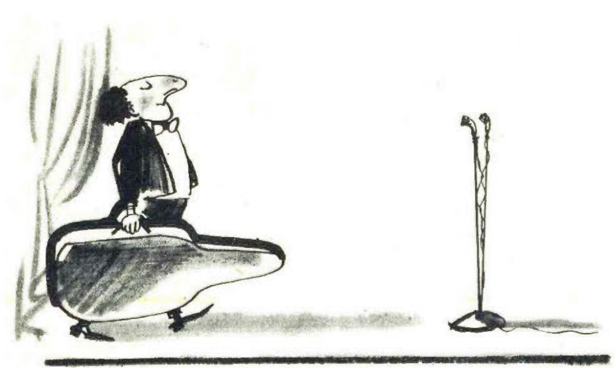

Рисунок **Б. САВКОВА**

Юрий НИКОЛЬСКИЙ

Миниатюры

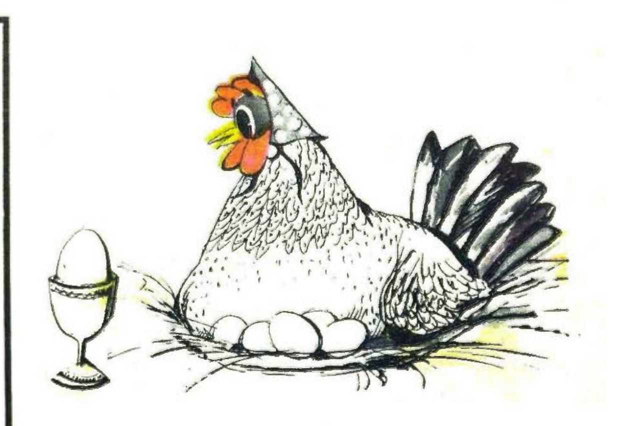
ИДИЛЛИЯ

И вот в квартире тишина —
Уже не слышно крика...
Супруга вяжет у окна,
Супруг — не вяжет лыка.

ПРИСТРУНИЛ...

— Ни мать не уважает, ни отца,
Соседям даже задает он жару,
Пора, пора приструнить подлеца...
Куплю-ка я ему гитару!

г. Рига

Пасынок.

Рисунок **П. ПЕТРОВА**

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Бармен жалуется полицейскому:
— Полисмен, этот негодяй требует, чтобы я бесплатно отпустил ему виски. Заберите его в участок!
— Зачем? У нас в участке спиртное тоже даром не отпускается.

●

Майкл, проходя мимо пивной, видит, как его друг Дик вылетает из двери и растягивается на земле. Помогая ему встать, Майкл сочувственно спрашивает:
— Тебя выбросили?
— А, ерунда! — тяжело ворочая языком, отвечает Дик.— Я как раз собирался уходить...

●

Мальчик горько плачет в школьном коридоре. Классный руководитель спрашивает:
— Что случилось? Почему ты плачешь?
— Учитель математики скатился с лестницы.
— Не плачь, с ним ничего не случилось, он здоров.
— Да, как же не плакать! Все ребята видели, как он катился, а я в это время был в буфете.

●

Смиты собираются в отпуск. Муж беспокоится, как быть с детьми.
— Детей отдадим маме,— говорит жена,— собаку и канарейку тете Фанни, а кошку возьмет дворник.
Муж задумчиво уставился в окно.
— Ну о чем ты задумался?
— Я думаю: если в квартире будет так тихо, зачем нам куда-то ехать? Можно и дома отдохнуть!

●

На приеме в одном доме гость страшно скучает. Заметив в углу зевающую даму, он подходит и говорит:
— Вам скучно?
— Ужасно!
— А что, если мы удерем отсюда?
— Охотно, но, к сожалению, это невозможно.
— Почему?
— Я хозяйка дома.

●

Смит входит в ресторан и громко говорит:
— Официант, быстро суп, пока не начался скандал!
Официант приносит суп, Смит съедает его и говорит:
— А теперь быстро бифштекс, пока не начался скандал!
Официант приносит, Смит съедает бифштекс и кричит:
— Быстрее мороженое, пока не начался скандал!
Когда он съедает мороженое, официант с любопытством спрашивает:
— А теперь объясните, пожалуйста, почему должен начаться скандал?
— А он сейчас и начнется,— отвечает Смит.— Дело в том, что мне нечем расплатиться.

●

Швейцарец приезжает на Аляску. Гид гордо спрашивает:
— Видели вы где-нибудь столько снега?
— Да разве тут много снега? Если у нас начинает идти снег, мне приходится лопатой расчищать дорогу к двери моего дома.
— А это гостиница,— невозмутимо продолжает гид.
— Что? — возмущается швейцарец.— Гостиница? В таком крохотном одноэтажном домишке я жить не буду!
— Простите, это не крохотный домишко, а шестнадцатый этаж «Гранд-отеля».

Билл ДЖОНС (США)

МЫСЛИ

Многим людям, которые жалуются, что они не получили всего, чего заслужили, следовало бы благодарить бога за то, что таким образом он выказал им свое милосердие.

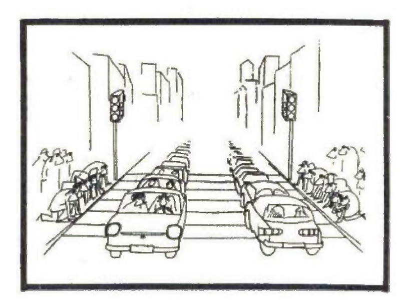
Странное дело: свои деньги нельзя унести с собой в могилу, а взятые взаймы — сколько угодно.

Гораздо легче организовать конференцию о загрязнении окружающей среды, чем нагнуться и подобрать окурок.

Если бы нас судили за вред, который мы причиняем сами себе, то лишь немногие избежали бы виселицы.

«Сатердей ивнинг пост» (США)

«Дикобраз» (Прага)

Вейдат САЙГЕЛЬ (Турция)

Помощь пришла!

После того как оркестры исполнили национальные гимны обеих стран и прозвучали приветственные речи, на склады министерства сельского хозяйства стали поступать мешки с минеральными удобрениями.

Заместитель министра вызвал своего помощника и передал приказ господина министра:

— Принять меры для охраны удобрений от расхищения. Немедленно распределить груз по вилайетам, согласно списку, утвержденному министром.

— Слушаюсь,— ответил помощник и тут же по внутреннему телефону вызвал своего заместителя: — Нихат-бей, я намерен поручить вам важное дело.

— Благодарю, мой эфенди, ваш покорный слуга весьма признателен за доверие.

— Я поручаю вам организовать охрану поступивших в распоряжение министерства удобрений и отправку их по этому списку. В каждую деревню должно попасть не менее пятидесяти мешков. Проследите, чтобы удобрения при транспортировке не попали в руки дельцов.

— Слушаюсь, мой эфенди...

— Да, минуточку... Когда вы пойдете на склад, посмотрите, нет ли там разорванных мешков. Если есть, наберите ведерко удобрений и пошлите моему садовнику. Прекрасные цветы пропадают! Он мне говорил, что хорошо бы их подкормить. Но только если на складе будет разорванный мешок...

— Нет, так сами порвем, мой эфенди! И не один — десяток мешков порвем, раз нужно!

— Благодарю. Можете сразу приступать к отправке.

Заместитель помощника заместителя министра вернулся на свое место и пригласил к себе своего помощника.

— Вы несете ответственность за распределение удобрений. Придерживайтесь вот этого списка.

— Слушаюсь, эфенди.

— Ни один грамм не должен попасть в чужие руки, понятно?

— Есть!

— Да, вот что... Пошлите Муртазе-бею один мешок для сада перед зданием министерства и заодно полмешка ко мне домой.

* * *

У заведующего краевым сельскохозяйственным отделом Хильми-бея зазвонил телефон. Он поднял трубку белого аппарата и почтительно произнес:

— Да, эфенди. И говорить не о чем! Какие-то жалкие пять килограммов удобрений! Не беспокойтесь, не забуду. Я, кстати, сам хотел для вас оставить... Полагаю, не сегодня-завтра прибудут. Взаимно, эфенди, всего хорошего.

Он положил трубку. Тут же снова раздался звонок. С другого конца провода сообщали о прибытии груза.

Хильми-бей вызвал своего помощника.

— Послушай, брат мой, проследи сам, чтобы грузчики не рвали мешки, поосторожней с ними обращались. Если из каждого мешка хоть полкило просыплется, крестьянам меньше достанется...

— Все будет в порядке.

— Да, чуть не забыл. Оставь несколько килограммов для нашей машинистки, Неджлы-ханум. У нее огородик или что-то в этом роде.

— Ладно, после работы я сам ей занесу. Поскорей бы избавиться от этой напасти!

* * *

На деревенской площади заиграла зурна, ударили барабаны. Староста взобрался на помост и, потрясая кулаком, начал речь:

— Я счастлив, односельчане, что в результате упорной четырехлетней борьбы мы получили этот кулек. Это первый шаг на пути подъема нашей деревни. Благодаря этому кульку, который вы видите, многие наши беды отойдут в прошлое, наши коровы будут давать много молока, наши дети не будут знать болезней.

Он вынул из кармана столовую ложку и разорвал пакет.

— Подходите, подходите... Становитесь друг за другом.

На каждую крестьянскую семью пришлось по столовой ложке порошка. Староста никого не обделил.

— А что с этим надо делать? — спросил кто-то из толпы.

Староста задумчиво потянул себя за ус.

— Ах, забыли приложить инструкцию! Поберегите пока этот порошок, а я вот поеду в город и спрошу у фельдшера, как его употреблять — до или после еды. Тогда и вам скажу.

КРОКОДИЛ

№ 34 (2008)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, А. Грунин, Ю. Ерофеев, Н. Корягин, Н. Лисогорский, А. Полевой, И. Смирнов, Ю. Степанов, В. Тамаев, В. Шварц, В. Шкарбан, В. Щербаков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

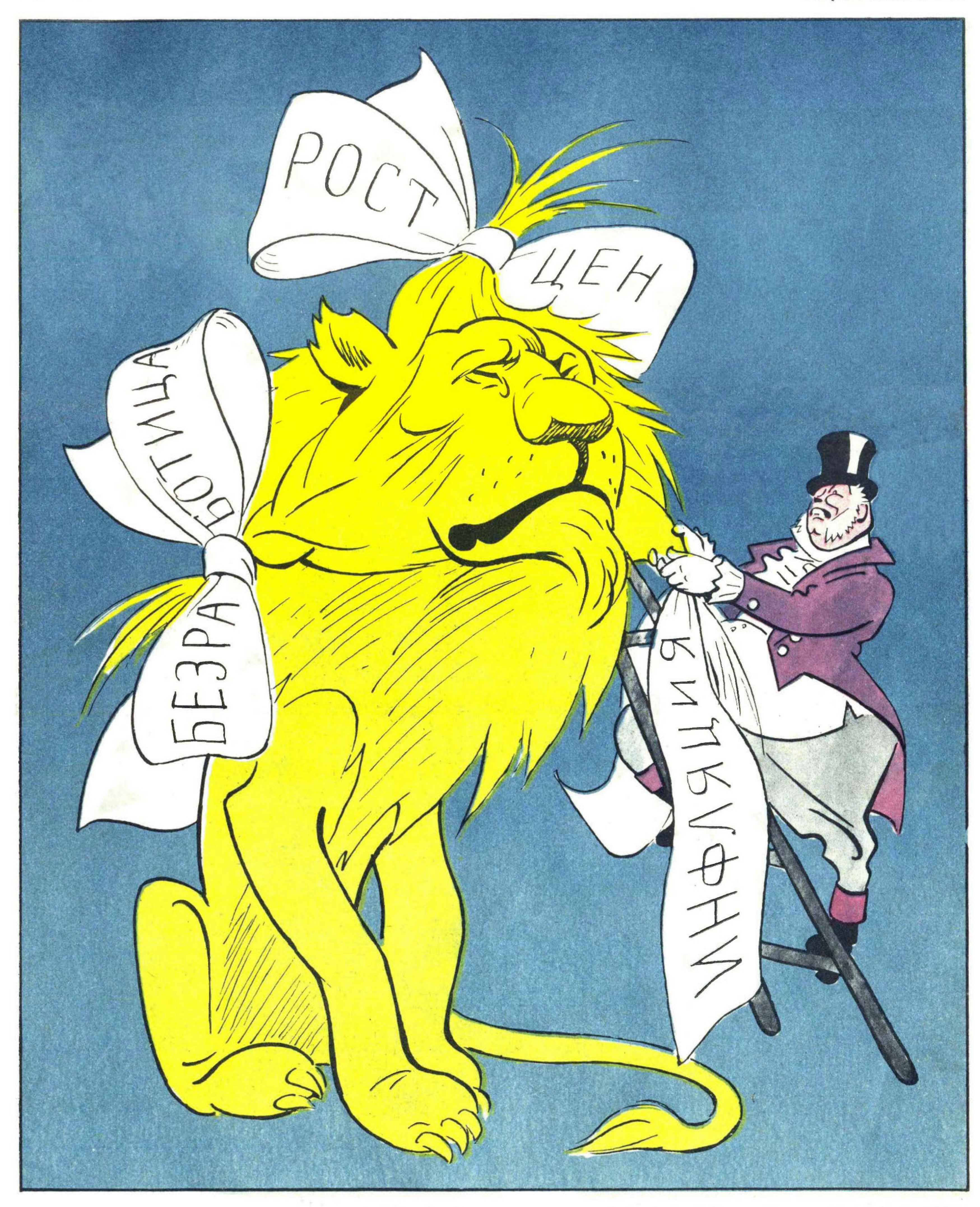
Сдано в набор 19/XI 1971 г. А 00999. Подписано к печати 29/XI 1971 г Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 625 100) Изд. № 2458. Заказ № 2182.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Рисунок А. КРЫЛОВА

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВСТУПЛЕНИЮ В «ОБЩИЙ РЫНОК»